

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О.Б. Савинская. НЕ ГОВОРИ КРАСИВО, ГОВОРИ ПРАВИЛЬНО!

Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские инновационные проекты». – М.: Информация – XXI век, 2002. – 256 с.

Появление первого издания «Словаря гендерных терминов» в очередной раз нам сигнализирует о том, что институционализация гендерных исследований в русскоязычном сообществе обществоведов и гуманитариев идет своим чередом. Кристаллизация и накопление знаний, пройдя этапы тематических сборников, монографий и учебников, добрались до словарей. Примечательно, что не только на просторах СНГ, но и в мире хороших и достаточно полных словарей по гендерным исследованиям единицы. Поэтому затея эта, на мой взгляд, достойна внимания не только как первый профессиональный словарь на русском языке, но и как еще одно справочное издание по гендерным исследованиям в мире.

Решив написать рецензию и связавшись с главным редактором Аллой Денисовой, я в ответ получила не только сам словарь, но и результаты мониторинга прессы, рассказавшей о презентации словаря. Соотнесение моих впечатлений от словаря и впечатлений журналистов представляется мне принципиально важным, потому что участники проекта предполагали создать словарь для «гендерного просвещения общества с целью формирования принятых в мире современных представлений о равенстве женщин и мужчин». Более того, мое личное знакомство со словарем также началось с новостного репортажа на НТВ, то есть с журналистского взгляда.

Журналистские оценки во многом совпадают, в какой-то момент даже кажется, что они списаны друг с друга. Например, почти половина упомянула, что презентация проходила в зале с портретом Ленина, и непременно взгляд Ленина на происходящее оценивался как «неодобрительный», «настороженный», «подозрительный», но которому и дела нет до «феминизма», ведь в руках у него нечто более важное – труд «основоположников». К сожалению, советская идеологическая подкованность исчезает из умов журналистов, ведь работы Ленина по «женскому вопросу» в советские времена издавались отдельными изданиями. Так что, не мешало почитать хотя бы Ленина, чтобы понимать, что рецензию на данное издание в газетную рубрику «психоанализ» как-то странно включать. В общем, желание каждой журналистки/ста создать что-нибудь жареное и

циничное разбивается о простейшее невежество. Ведь злословие тогда чего-то стоит, когда оно красноречиво. А безграмотным красноречие вряд ли бывает, оно просто нелепо. К счастью, не все рецензии столь откровенны. Стиль других рецензий более разумен. Осознается, что «гендерная тематика – это актуально и перспективно», поэтому стоит сделать «хорошую мину при плохой игре» – даже если чего-то не знаешь, стоит об этом умолчать и сказать то, что знаешь. Получается не настолько целостно, но хотя бы не бестолково... Таково было мое первое впечатление от прочитанных рецензий.

Второй раз я стала читать их более конструктивно: каковы же журналистские претензии? Во-первых, мы действительно ничего не знаем, но нам не хватает внимания и терпения читать это «скучное академическое чтиво». Нас постоянно отвлекает то раздающийся в коридоре голос поющей Бьорк, то клип с видеорядом про работающих тяжелым физическим трудом женщин, то, наконец, портрет на стене. Прямо как в детском саду. Хотим, чтобы про «гендер» можно было узнать так же легко, как слушать музыку, смотреть клипы или картины на стенах. То есть, переводя с журналистского языка, тексты статей слишком сложны для «гендерного просвещения общества». Во-вторых, для подтверждения первого приводятся примеры таких сложно воспринимаемых, но привлекающих внимание словечек, как «фаллологотризм», «сексизм», «конкубинат», «куртуазная любовь», «замужество», «амазонки» «джентельмен», «прекрасная дама», «мужское доминирование», «гендерные квоты», «дискриминация по признаку пола», «сексуальные домогательства на рабочем месте». То есть интерес налицо. В-третьих, многие ситуации из проведенной презентации в публикациях выдернуты из контекста. То Н. Ажгихина не может сказать, сколько всего женских организаций в России, и это не потому, что их так много, а потому, что она просто этого не знает. То для того, чтобы проиллюстрировать значимость гендерных проблем как для женщин, так и для мужчин используется какая-то непонятная цитата М. Малышевой: «Почему можно заставлять работника работать по 12 часов – неважно, мужчину или женщину?» То безымянная участница дискуссии заявляет, что «у женщин все в порядке с полушариями головного мозга». Все эти заметки похожи на восстановленные записи неугомонного школьника-сорванца, вечно вертящегося и потому не успевающего записать суть урока. Но с другой стороны, как журналисты, так и выступавшие давно уже покинули школьные скамьи и теперь должны находить общий язык на равных. Вы из одной сферы общественности, мы из другой, как общаться-то будем? Да, похоже, презентация ярко обнажила проблему замкнутости гендерных исследователей в своем кругу: выходить на «широкие круги общественности» необходимо, но действующих и отработанных практик пока еще недостаточно. Тем не менее, каждое подобное данной презентации событие – это еще один шаг навстречу «обществу», и стоит надеяться, что раз от разу у журналистов будет складываться все более серьезное понимание и более реалистичное представление о гендерной проблематике.

Итак, учитывая, что словарь получился не слишком популяризаторским и для его прочтения все же необходимо мыслительное напряжение, рассмотрим его как издание для «ученых, преподавателей и студентов». Создание словаря было инициировано ООО «Восток-Запад: Женские Инновационные проекты», координатор проекта и редактор словаря – А.А. Денисова, над созданием словарных статей работало 49 российских и зарубежных авторов. В результате получился энциклопедический словарь, включающий в себя 208 полнотекстовых словарных статей, а также 170 терминов «с так называемой «пустой» словарной статьей со ссылкой на одну или несколько полнотекстовых статей», размещившихся на 256 страницах. Словарь междисциплинарный: в нем «интегрированы научные знания из философии, социологии, политологии, правоведения, культурологии, психологии и лингвистики, литературоведения, истории, частично сексологии». Пролистывая словарь, сразу же проникаешься уважением к создателям: проект актуален, интересен и добросовестно исполнен. Недостатки же, которых мы коснемся ниже, лишь добавляют жизненной естественности словарю и указывают на его перспективы.

Прежде всего, коснемся подбора терминов для словаря и их системной организации. Словарь дает нам описание большинства важнейших для гендерных исследований понятий. Это «гендер», «феминизм» (с отдельными статьями по большинству направлений в феминизме), «фемининность», «маскулинность», «гендерная система», «женское движение», «женская идентичность», «мужская идентичность» «патриархат» и «матриархат», «гендерные роли», «гендерное неравенство», «сексизм» и другие. Есть и дисциплинарные статьи «гендерный разрыв на выборах», «профессиональная сегрегация по признаку пола», «психология половых различий», «гендерная метафора», «женское письмо», «женсоветы», «джентльмен» и др. Каждая статья также сопровождается англоязычным переводом описываемого термина и справочной литературой. В конце словаря также есть еще один очень полезный список – список англоязычных терминов с их переводом на русский. Итак, на мой взгляд, координаторам словаря создать систему понятий для первого словаря новой междисциплинарной области удалось. Однако некоторые термины вызвали во мне некоторое замешательство. Вот, например, из содержания статей я не поняла, чем отличаются «гендерные индикаторы» от «гендерных показателей», и почему один показатель, рассчитываемый как индекс, называется показателем («показатель расширения возможностей женщин»), а другие – «индексами» («индекс развития с учетом гендерного фактора», «индекс развития человеческого потенциала»). Также не очень ясно само определение гендерных индикаторов: «это указатели или измерители, использующие количественные или качественные показатели...».

Далее, мне показалось не совсем полным описание «гендерного подхода». Словарная статья по этому термину дает описание гендерного подхода в политологии или скорее даже в практической деятельности по проведению со-

циальной политики. Научные подходы даны только для двух дисциплин – истории (полнотекстовая статья) и психологии («пустая» статья «гендерный подход в психологии» отсылает нас к статье «психология гендерных отношений»). Зато, этот пробел восполняется другими статьями – в словаре пять дисциплинарных статей по «феминистской критике» (кинокритика, критика языка, социальной политики, истории, литературная критика). Хотя понятно, что феминистский и гендерный подходы различаются. То же самое относится к другому ключевому понятию «гендер». В словаре есть статьи «гендер», «гендер в лингвистике», «гендер в социальной работе», но нет понятий «гендер в философии», в литературоведении, социологии, психологии и т.д.

Меня, как социолога, несколько удивил в словаре термин «женский социум». Не очень-то часто это слово используют не только в гендерных исследованиях, но и в социологических. В социологии есть понятия «общество», «среда», и пока никто из социологов-теоретиков не вводил термин «социум» в дисциплину. В теориях феминизма я тоже не встречала это слово. Как отмечено в примечании редактором словаря, «в гендерных исследованиях используется редко». Может быть, оно из идеологических и партийных кругов?

Отдельной проблемой для развития гендерных исследований является проблема перевода англоязычных терминов на русский язык. Приятно отметить, и нужно отдать дань профессионализму авторов статей, русскоязычная терминология не вызывает трудностей и неоднозначности понимания. Единственный термин, который мне показался не совсем «русскоязычным» – это «тренинг идентичности» (статьи «тренинг полоролевой идентичности», «тренинг гендерной идентичности»). Возможно, кто-то из психологов когда-нибудь меня в этом переубедит.

Теперь более детально коснемся содержания статей. Постольку, в словаре статьи авторские, и, повторюсь, в создании словаря участвовало 49 авторов, то вполне естественно, что они различаются по уровню академичности, стилю, общим подходам (например, описываемое понятие дается с точки зрения радикального феминизма, и ничего не говорится о том, как оно понимается в постмодернизме, или с точки зрения гендерного подхода), по приверженности к освещению термина в точки зрения определенной дисциплины. Вот, например, понятие «женское лидерство» дается с точки зрения политологии, и читатель найдет мало информации о понимании этого термина в психологии. Примером узкого подхода к рассмотрению термина может быть понятие «патриархат». Патриархат в словаре определяется как «господство мужчин над женщинами». Не делая глубокого историографического обзора развития данного понятия, лишь отмечу, что понятие скорее принадлежит к стилю теорий феминизма второй волны, когда понятия «женщина» и «мужчина» рассматривались целостно. Развитие гендерных исследований последних лет все больше обнажают множественность как женских, так и мужских практик, причем и те и другие могут

быть маргинальными. В связи с этим, понятие «патриархата» было бы полнее, если бы оно описывалось не только как власть реальных мужчин над реальными женщинами, но и как некоторый символический порядок, предопределяющий власть доминантной/ых маскулинности/тей над маргинализованными практиками и идентичностями как отдельных групп женщин, так и мужчин.

Несколько запутанным мне показалось определение понятия «гендерная идеология». «Гендерная идеология – система идей и взглядов, понятий и представлений о построении общества и взаимоотношений в нем мужчин и женщин как двух социальных общностей, учитывающая и выражающая интересы обеих социальных групп – мужчин и женщин. В силу этого гендерная идеология является идеологией конструктивной, несущей новую культуру взаимоотношений во имя достижения социальных целей». Определение мне показалось слишком кудрявым, а выражение «во имя достижения социальных целей» для меня осталось загадкой.

Пытаясь критически оценить словарные статьи, мне пришло в голову, что критический анализ статей можно было бы использовать для учебных целей. То есть предлагать студентам давать свои определения на основании определений основных терминов, также как давать свое понимание взаимосвязи терминов. Например, я беру понятие «рыцарь» и читаю его определение: «Рыцарь – в гендерной системе особый тип маскулинности, обладающий рыцарским этосом». Определение отсылает меня прежде всего к двум понятиям «гендерная система», «типы маскулинности». Смотрю. «Гендерная система» – это «система гендерных отношений», «совокупность гендерных контрактов» (примеры: контракт «домохозяйки» и контракт «кормильца»), «институты, поведение и социальные взаимодействия, которые предписываются в соответствии с полом». «Маскулинность представляет собой комплекс аттитудов, характеристики поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику той или иной группы, объединенной по признаку пола». В связи с этими определениями у меня родилось два вопроса: «можно ли «рыцаря» определить как «один из гендерных контрактов средневековой гендерной системы» и «какова взаимосвязь понятий маскулинность/фемининность» и «гендерный контракт»?

В завершении своего обзора словаря, мне хотелось бы поблагодарить авторов и инициаторов издания за их сложную и кропотливую работу. Самое важное, что требовалось от такой пионерской работы, сделано – авторам словаря удалось создать основной костяк терминов и их описаний. Хотелось бы надеяться, что вышедший словарь станет первым в серии редакций, и мы увидим еще второе, третье и другие издания этого словаря.

Дмитрий Коновалов. Гендер и нация: основы парадигмы исследований вопроса.

Нира Юваль-Дейвис. Гендер и нация. – Изд-во Elra, 2001. – 234 с.

Основной целью своего исследования Нира Юваль-Дэйвис считает гендерный подход к анализу нации и национализма, а главным вопросом исследования является исследование роли женщин в процессе конструирования доминантных идеологий национальных государств. Автор изучает позицию женщин в таких «измерениях» национального сообщества, как национальная культура, гражданство, а также национальные конфликты и войны.

Первая из шести глав книги – «Гендер и нация: теоретические подходы» – является своеобразным «анонсом» последующих глав. Здесь же автор представляет основные принципы своего анализа. С первых строк подчеркивается «исключительная важность социальных и экономических отношений власти и взаимодействующих социальных разделений, на которых замешана любая конкретная историческая социальная категоризация». Сама «нация формируется в меняющихся националистических дискурсах, которые продвигаются различными группировками в борьбе за гегемонию. Гендерно обусловленный характер нации необходимо понимать только в её историческом контексте» (с. 11). Поэтому попытки найти универсальную причину дискриминации женщин являются тупиковыми, и являются отражением интересов только определенных слоёв женщин. «Эти обобщения предполагают, что не существует различий в ценностных подходах между разными членами общества, включая различия между мужчинами и женщинами» (с. 15). В контексте отстаивания принципа различия в проблеме «гендер и нация» Нира Юваль-Дейвис критикует также универсалистское понятие «патриархата»: «В противоположность тому, что предлагает понятие патриархата, женщины обычно выступают не только пассивными реципиентами, не участвующими в формировании и определении гендерных отношений. Наиболее важным, возможно, является то, что не все женщины угнетены и/или подчинены равным образом или в равной мере, даже в одном и том же обществе в определенный исторический момент» (с. 17). Из этого вытекает определение гендера в его соотношении к биологическому полу. По мнению автора, «гендер необходимо понимать не как реальное социальное различие между мужчинами и женщинами, а как дискурс, соотносенный с группами объектов, чьи социальные роли определены половым/биологическим различием в сопоставлении с их экономическими позициями или их принадлежностью к этническим или расовым общностям» (с. 19). Этот дискурс лежит в основе натурализации существующего режима власти. Гендерные отношения, по мнению Юваль-Дейвис, имеют огромное значение для создания мифического единства национальной воображаемой общности, которая разделяет мир на «своих» и «чужих»: «Националистические проекты, которые основаны на гене-

алогии и происхождении, как основных организующих принципах национальной общности, приводят к националистическому проекту, в основу которого положен принцип исключения. Только благодаря рождению в определенной общности человек может стать её полным членом. Контроль брака, воспроизводства и, следовательно, сексуальности становится главенствующим принципом в националистической повестке дня, когда к понятию общего генетического пула добавлено расовое измерение, и в националистическом дискурсе страх расового кровосмешения становится центральным» (с. 43).

Для понимания того, как женщины воздействуют на эти процессы и как процессы воздействуют на них, необходим, по мнению автора, метод деконструкции как ведущий в проблеме «гендер и нация».

Во второй главе – «Женщины и биологическое воспроизводство нации» автор анализирует позицию женщин как объекта государственной политики рождаемости. В национальных сообществах, конструируемых «вокруг» генеалогии нации, контроль за браком, воспроизводством, и, следовательно, сексуальностью становится доминирующей функцией государства. Как правило, женщин призывают иметь больше детей, чтобы нация процветала и могла разгромить своих врагов. В то же время в других исторических контекстах ситуация может быть прямо противоположной. Однако всегда призыв к женщинам иметь больше или меньше детей носит явную этническую и классовую направленность. В качестве иллюстрации автор приводит примеры трех разновидностей политики рождаемости: первый – «власть народа» предполагает рост количества детей; второй, противоположный первому – мальтузианский, наоборот, направлен на сокращение количества рождаемости и третий – евгенический направлен на «чистоту» нации. Здесь же вводится один из главных тезисов книги: женщины являются не только биологическими воспроизводителями нации, но и воспроизводителями культуры. Идеология рождаемости позиционирует женщин таким образом, что в качестве задачи предписывает им функцию «сохранения культуры», ответственность за её передачу детям и создание семьи в определенном культурном стиле. Таким образом, происходит формирование идеологии женственного как «культурного пограничника» этнического, национального и расового различий. Термин «культурные пограничники» является одним из центральных в тексте всего исследования и детально рассматривается в третьей части книги.

В третьей главе «Воспроизводство культуры и гендерные отношения» анализируется понятие «культуры» как динамического процесса, который в силу внутренних противоречий является ресурсом конструирования различных государственных идеологий. Особое внимание уделяется «культурным пограничникам», которые являются основным инструментом «постоянного воссоздания сообществ и коллективных идентичностей и в управлении/контроле над их гра-

ницами» (с. 117). В центре этих процессов находятся гендерные отношения и сексуальность. Доминантная культура задает свою интерпретацию «природы» социального порядка, главными в которой являются отношения между мужчинами и женщинами. «Определенные коды и правила разрабатываются для определения «кто есть кто», кто является соответствующим мужчиной и кто является соответствующей женщиной, и этот момент является центральным в процессе идентификации членов общности» (с. 118). В этом контексте женщинам, отведена роль носительниц коллективной чести и воспроизводительниц культуры. Определяющими принципами здесь выступают религиозные и другие культурные коды, касающиеся брака и развода. В частности, имеется в виду запрещение сексуальных отношений между членами общности и «чужими». Нарративы идентичности как нарративы происхождения и судьбы здесь являются центральными, поскольку они определяют кто «принадлежит» и кто «не принадлежит» к доминантному дискурсу.

Далее автор рассматривает понятие «политик идентичности» и его роль в процессах культурного изменения, таких, например, как колонизация, деколонизация, глобализация и др. Сама политика идентичности возникла, по мнению автора, «как средство достижения власти среди маргинальных групп – таких, как представители черной расы и женщины. Именно в этом качестве она слилась с национальной и международной политикой многокультурного общества, чтобы превратиться в гегемонный дискурс» (с. 71). Политическая и культурная деколонизация включила в себя не только возвращение к некоему мифическому «золотому веку» в национальном прошлом, но и растущую ценность приобретения власти и прав в развитии национальной борьбы за свободу и независимость. В колониальном «взгляде» на подчиненную нацию женщина занимала в нем центральную позицию. Поэтому символические декларации культурного изменения провозглашаются именно по отношению к этой позиции: именно этнические и национальные идеологии определяют значение модернизации для колониального общества. Однако в основе этих национально-освободительных процессов всегда находятся доминантные интересы политических элит. «Поэтому доминантные идеологии часто идут вразрез с интересами женщин, находящимися в амбивалентной позиции по отношению к доминантной идеологии» (с. 119). Исследование подобной амбивалентности является основной темой следующей главы.

Четвертая глава «Гендер и различие» посвящена вопросу гражданства. А именно, роли гендера в процессе конструирования доминантного дискурса гражданства. «Гражданство используется как организующий принцип включения или исключения, как оружие политической мобилизации и как средство деполитизации населения». В большинстве стран мира гражданство представляет собой набор якобы универсальных правил, объединяющих жителей в единую

«моральную общность». Обязательным следствием конструирования такого сообщества является создание так называемой «маргинальной матрицы». Это группы индивидов, исключенные из доминантного дискурса по этническому, расовому, религиозному и гендерному признаку. Их основная задача – олицетворять угрозу социальной солидарности. Позиционируя эти группы как «моральных чужаков», государственная идеология создает границы гражданского сообщества национального государства. Иными словами, исключение «чужих» из доминантного дискурса по тому или иному признаку становится обязательной частью формирования образа «настоящего гражданина». В основе этого социального действия, по мнению Ниры Юваль-Дейвис, лежит дихотомия общественного/частного как мужского/женского. По его мнению, идея гражданства появилась как идея «мужского братства», способного защитить социальное устройство в момент опасности. «Эта способность уравнивалась с мужественностью, а женственность ассоциировалась со слабостью и потребностью в мужской защите» (с. 152). Соответственно, «активная матрица» сообщества, то есть мужчины получали право голоса. «Пассивная матрица» – женщины, становились «обоснованием» этого права. Таким образом, посредством исключения женщин были, по мнению Юваль-Дейвис, сформированы основные, «априорные», обязательства мужчин в демократическом сообществе. Следующая метаморфоза гражданства – идеализация дискурса прав белого мужчины, необходимая для колониальной экспансии. С появлением процессов деколонизации и по мере роста иммиграционных потоков, трансформируются и границы «права на получение гражданства». Существующий во многих странах моральный, а зачастую и официальный запрет на брак с «чужаками» является ярким примером подобной политики. Так, в Британии ребенок, рожденный иммигранткой, не является гражданином государства. В то же время, разделение общего мифа происхождения не всегда гарантирует включение в «активное гражданство». «Даже в наиболее демократичном обществе существуют слои населения, которые намного пассивнее даже при наличии социальных прав (но при отсутствии политических прав и участия) или они слишком безвластны, чтобы участвовать в формальном акте голосования (с. 143)». При этом «внешне» все эти группы объединены мифом универсальных гражданских прав.

В постколониальных странах ситуация на первый взгляд иная. Первые шаги новых национальных сообществ могут сопровождаться торжественным «наделением» женщин гражданскими правами. На поверку, подобные «социальные акции» часто оказываются политической рекламой стремления нового государства к модернизации и «европейским стандартам». По мере развития национального возрождения права женщин «отбираются» во имя возвращения к коренной культуре.

Борьба за права является одним из основных «занятий» политических групп, в том числе и женщин. Впрочем, проблема прав гораздо глубже, чем

«противостояние» амбиций политических элит, поскольку, как напоминает вслед за другими постмодернистскими феминистскими теоретиками Нира Юваль-Дейвис, сами женщины не равны между собой. Автор цитирует Зилу Айзенштейн, повторяя, что проблема заключается не в различиях как таковых, но скорее в том, как мы можем начать с различий в формировании понимания понятия прав человека, которое должно быть одновременно универсальным и специфическим (с. 149). Сформировать такое понимание прав человека способна, по мнению автора книги, лишь позиция трансверсальной политики, анализу которой посвящена заключительная глава.

Пятая глава «Гендер вооруженных сил, гендер войны» представляет собой анализ технологий конструирования мужественности и женственности в вооруженных силах и войнах. В частности, автор обращается к социальному мифу о том, что служба в армии является автоматическим подтверждением прав гражданина; по мнению феминистских теоретиков, такая историческая «заданность», напротив, является основной препоной к получению женщинами «активных» гражданских прав. Иными словами, «чтобы получить гражданство, женщины должны быть допущены к «священному ремеслу» убивать и умирать во имя Родины. В то же время, служба в армии никогда не становилась универсальной, даже среди граждан государства, и никогда не охватывала все население на территории данного государства» (с. 162). Например, афроамериканцам во время второй мировой было дозволено работать только в техническом обеспечении; существовавший доминантный дискурс не предполагал черных героев Отчизны: «этническая принадлежность, класс, возраст и способность особенно важны для включения или исключения людей из этих ролей» (с. 160). В результате Нира Юваль-Дейвис делает вывод о том, что прямой связи между вооруженными силами и гражданскими правами не существует и в зависимости от исторического контекста включение или, наоборот, исключение людей из вооруженных сил может быть связано с разным уровнем прав. Так, возможность избежать воинской повинности в некоторых странах является подтверждением классового и материального благополучия и высокого правового статуса. Поэтому столь актуальное сегодня участие не только мужчин, но и женщин в современных войнах является, по мнению автора книги, следствием этнической или классовой политики и обусловлено определенным историческим контекстом. В подтверждение автор обращается к репрезентации женщин-бойцов в двух типах армии – профессиональной и армии национального освобождения.

По его словам, профессиональная армия сегодня – это в первую очередь огромный бюрократический аппарат, который представляет собой более жесткую версию социальной дифференциации. Несмотря на то, что технологическое развитие фактически превратило сражения в «нажимание кнопок», на во-

енном рынке женщинам достаются роли, обусловленные классическим гендерным контрактом: медсестры, секретари и т.д. «Дихотомия боевые действия/не боевые действия и фронт/тыл – основа формирования позиций женщин в вооруженных силах» (с. 172). Одной из причин подобного позиционирования является страх перед всемогущей женщиной-солдатом. Армия исконно «делала» из мальчика мужчину, и поныне спецназ, как правило, состоит исключительно из мужчин. Кроме того, по мнению Юваль-Дейвис, при помощи вовлечения женщин в армию проводится и определенная расовая политика. Так, например, целью вовлечения женщин в армию США было политическое решение прекратить наводнение вооруженных сил афроамериканцами. Тем не менее ситуация меняется: во время войны в Персидском уже не просто «мужчины сражались ради женщин и детей», а «воевали наши мальчики и девочки» (с. 177).

В освободительной армии женщины, напротив, выступают символом освобождения национальной культуры, которую необходимо вернуть. В этом случае военная эмансипация женщин рассматривается как эмансипация народа в целом, поэтому превозносится сам факт участия женщин в боевых действиях. Ярким примером могут служить образы советских женщин-военных, героев второй мировой войны. В то же время, когда необходимость в женщинах-героях исчезает, они постепенно отходят в тень.

Таким образом, «милитаризованные образы женственности на войне – призывают ли они остаться женщин дома и быть хорошими женами и матерями или, наоборот, добровольно работать в военной промышленности и т.п. – являются просто необходимыми для милитаризованных и очень разных образов мужественности» (с. 18). Если брать социальную сторону вопроса, то, действительно, «женщины-солдаты добиваются общей выгоды для женщин на рынке труда в той мере, в которой они используют возможности армейской службы для подготовки и социального роста и по окончании военной службы выходят на гражданский рынок труда» (с. 170). В то же время это не является решением проблемы, поскольку милитаризация населения увеличивает общий уровень насилия в семье и обществе.

В заключительной главе «Женщины, этничность и обретение власти: к трансверсальной политике» рассматривается вопрос о самой возможности женской и, в частности, феминистской солидарности, принимая во внимание социальные, классовые и особенно этнические разделения среди женщин разных государств. Например, в контексте глобальной дискриминации народов третьего мира дискурс «единого» освобождения женщин теряет смысл и сам становится дискриминационной практикой. Белые феминистки, по мнению Ниры Юваль-Дейвис, определяют зачастую женщин третьего мира с точки зрения их «проблем» или их «достижений» по отношению к воображаемой «свободной белой либеральной демократии». Результат – создание образа «замороженных в

пространстве и вечно политически незрелых женщин, которых необходимо обучать языку и эпосу белого феминизма» (с. 190). Для изменения создавшейся ситуации любые упрощенные предположения по поводу «феминистской повестки дня» необходимо, по мнению Юваль-Дейвис, проблематизировать. Феминистская или любая другая форма демократической политики должна рассматриваться как форма коалиционной политики, в которой различия между женщинами признаются и голос различий слышен как внутри, так и снаружи политического единства. Границы коалиции не должны устанавливаться с точки зрения «кто мы есть», но с точки зрения того, что мы хотим достичь (с. 203).

Эта позиция является основополагающей для определения автором концепции трансверсальной политики: «дифференцированные позиции индивидов и общностей признаются, так же как и ценностные системы, которые лежат в основе их борьбы» (46). Призывом к использованию методов трансверсальной политики в мировом дискурсе борьбы женщин за равные возможности заканчивается книга.

В заключение можно добавить, что исследование Ниры Юваль-Дэйвис по праву считается основополагающим для исследования темы «гендер и нация». Помимо попытки «включить» женщин в понятия и практики национальных политик, в книге представлена, фактически, достаточно полная картина современного «гендерного мирового порядка».

Наталья Загурская. Введение в «сексуологию».

В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Тёмкиной. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. – 612 с.

Тематика данной книги, а также то, что большинство авторов, принявших участие в ее создании – женщины, сразу же привели к появлению достаточно тенденциозных рецензий, в которых книга *В поисках сексуальности* предстает в виде или очередного просветительского проекта, или манифеста, над которым, по мнению рецензентов, незримо реет призрак одиозного феминизма. Обе эти тенденции объединились в рецензии *Интим под микроскопом*, опубликованной в февральском выпуске газеты *Книжное обозрение* за 2003 год. Само название рецензии помещает книгу *В поисках сексуальности* в семантическое поле, сформированное изданиями типа *Брак под микроскопом*, *Искусство любви* и пр. Вместе с тем, в рецензии подчёркивается, что «прекрасная половина подходит к проблемам сексуальности серьёзнее, чем сильный пол».

Действительно, «прекрасная половина» более чем серьёзно исследовала проблему сексуальности. Однако теоретический фундамент данного исследования даёт возможность вполне обосновать недопустимость использования в данном случае речевых фигур типа «прекрасная половина» или «сильный пол», подходящих разве что для тостов к Международному Женскому дню. Кроме того, среди авторов *В поисках сексуальности* – И. Кон, А. Эткинд и другие авторы, принадлежность которых к «слабой половине», мягко говоря сомнительна, как и остальных авторов сборника, да и вообще кого бы то ни было.

Поэтому необходимость если не реабилитировать это издание (вряд ли оно в этом нуждается, несмотря на любого рода рецензии), то попытаться проанализировать, очевидна. Итак, *В поисках сексуальности* – объёмное и фундаментальное коллективное исследование в области социологии и культурологии сексуальности. Несмотря на свой псевдонаучный пафос, подобная характеристика вполне точно отражает специфику сборника. Его формальное деление на социологические и культурологические разделы достаточно прозрачно. К социологическим относятся разделы второй, третий и пятый – *Сексуальность в социально-стратификационном измерении: социальные слои, среды и поколения; Дифференцированная сексуальность: опыты и оценки*, а также *Дискурсивный анализ сексуальности: проблемы метода*; к культурологическим первый – *Репрезентация сексуальности в русском литературном дискурсе* и четвёртый – *Репрезентации сексуальности в медиа-дискурсе*. Однако не стоит думать, что социологи и культурологи могут ограничиться знакомством с соответствующими разделами: сборник даёт достаточно целостную картину современного состояния «сексуологии», науки о сексуальности, которая уже приобрела собственную специфику, отличную от специфики сексологии, гендерных исследований и прочих смежных областей и нуждается в собственном названии и исследова-

тельском поле. В поисках сексуальности можно назвать попыткой разметки такого поля, и поэтому знакомство с книгой формирует представление об основных направлениях в области науки о сексуальности, тесно взаимосвязанных между собой.

«Тело» сборника – анализ около сотни полуструктурированных интервью, подкреплённый данными опроса около двух тысяч человек. И хотя методологический раздел вынесен в конец книги, по ходу чтения становится очевидной адекватность избранных методов тематике сборника.

Необходимо обратить внимание также и на исторический срез, который определяет структуру *В поисках сексуальности*: от рассмотрения сексуальной культуры XIX века через изучение разнообразия точек зрения на культурные практики Серебряного века и дискуссий на темы пола и сексуальности 1920-х годов, а также советских практик сексуальности происходит логичный и обоснованный переход к анализу современных практик. Причём данная логика не всегда выглядит линейной: скажем, после прочтения статей И. Жеребкиной *Между желанием и наслаждением: женская сексуальность в русской культуре на рубеже XIX–XX веков* и А. Эткинда *Тайный код для заблудившегося пола: литературный дискурс о гомосексуальности от Розанова до Набокова* можно предположить, что постсоветские практики сексуальности базируются скорее на образцах начала XX века, нежели на нормах советской «половой морали». Так вырисовывается некая историческая петля, позволяющая соотносить достаточно далеко отстоящие друг от друга во временном плане социокультурные ситуации, естественно, имея в виду доминирующие в них отношения к сексуальности. Особенно чётко такого рода параллели видны при сравнении упомянутых работ и исследования Е. Пушкаревой *Подростковая компания городской окраины: сексуальные отношения в тусовке*, посвященного сексуальным отношениям и взглядам на сексуальность в молодёжной субкультурной среде, где, как показывает автор, сегодня становится возможным толерантное отношение к разнообразию практик пола и сексуальности и, более того, такое отношение является обязательным для установления принадлежности к статусной группе. Так же как культуртрегеры начала века рефлексировали на темы креативного потенциала сексуальности и предпринимали попытки практического осуществления созданных теорий, современная толерантность по отношению к различным формам и проявлениям сексуальности является результатом кропотливой «эмоциональной работы» (в терминологии А. Хохшильд) и становится скорее нормой, чем исключением (связанным исключительно с богемной средой).

Эту мысль подтверждают и многие другие материалы сборника. Скажем, к достаточно парадоксальным выводам может привести знакомство со статьёй С. Ярошенко *Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся в северной деревне*, посвящённой анализу проблематичного суще-

ствования традиционной семьи в условиях материальной необеспеченности. Выводом статьи является тезис о том, что несмотря на то, что роль родственного обмена в условиях экономических лишений увеличивается, а сексуальность отягощается экономическими проблемами, всё же в нестабильной экономической ситуации сексуальная сфера в постсоветских условиях, по крайней мере частично, отделяется от моральной и бытовой, хотя, конечно, ещё далека от полной автономизации. То же касается и «инвалидной» сексуальности, формы проявления которой включают в себя всё большее количество аспектов. Е. Ярская-Смирнова в статье *Стигма «инвалидной» сексуальности* критикует традиционный взгляд на «инвалидную» сексуальность как гипо- или гипертрофированную; в целом исследование Е. Ярской-Смирновой по данной проблематике выходит за её пределы в область анализа «другой» сексуальности в самом широком смысле.

Вообще говоря, материалы интервью, проходящие через большинство социологически ориентированных статей сборника, наталкивают на мысль о том, что *В поисках сексуальности* можно было бы назвать романом, учитывая также специфику названия, настраивающего искомого подготовленного читателя на тональность известной эпопеи М. Пруста. Поскольку отрывки из одного интервью анализируются, как правило, сразу в нескольких статьях, кропотливое чтение позволяет в той или иной степени воссоздать образ конкретного респондента, который может быть обозначен как образ романного персонажа. Прибавив образы авторов статей, позиции которых в ряде случаев значительно различаются, мы получаем роман-полилог, вполне в постсовременном духе размещившийся на границе между исследованием и нарративом, анализом и потоком сознания. При этом, поскольку редакторы проявили известную широту взглядов, разместив под одной обложкой достаточно различные по своей направленности материалы, можно говорить и об отсутствующей, но вместе с тем угадывающейся фигуре автора, что ещё более усиливает романский эффект.

Нельзя не упомянуть также и об исследовательских перспективах, которые открывает книга *В поисках сексуальности*. Как уже было отмечено, она только размечает исследовательское поле, дальнейшее промысливание которого ожидается в ходе последующих исследований. Скажем, намечена, но не раскрыта и не проиллюстрирована тема сексуальной самодостаточности. Большинство авторов понимают само понятие «сексуальности» во фрейдовских терминах «удовольствия», в связи с чем анализ сексуальности в данном исследовании продолжает помещаться в моральные, политические, экономические и другие рамки. Однако женщины, чья сексуальность выражена слабо, или те женщины-феминистки, для которых постулирование женской сексуальной самодостаточности является принципиальной позицией, вряд ли разделят пафос сексуальной эмансипации, свойственный многим статьям сборника, в частности И.С. Кона, настаивающего, что сексуальная революция второй половины XX

века была прежде всего женской революцией. Видимо, необходима дальнейшая детализация данной проблемы, поставленной в статье А. Тёмкиной *Сценарий сексуальности и гендерные различия*.

Осталась неохваченной также тематика «свободных», уже эмансипированных женщин, отказавшихся от двойных стандартов, но при этом готовых играть по «мужским» правилам, то есть самореализовываться в рамках патриархатной культуры. Эта тема затрагивается в работах, посвящённых сексуальным практикам начала XX века, но не развивается на современном материале. Список незатронутых или затронутых фрагментарно тем из области науки о сексуальности можно продолжить. Хотелось бы надеяться, что *В поисках сексуальности* послужит хорошим началом целой серии исследований по данной проблематике.

Наталья Загурская. Бисексуальность, кинофильм, текст.

Би-текстуальность и кинематограф / Редактор, составитель сборника и автор вступительной статьи А. Усманова (Мн.: Пропилеи, 2003), 188 с.

Несмотря на сетования редактора А. Усмановой в отношении ситуации последних лет в Беларуси, минское издательство *Пропилеи* порадовало очередным этапным сборником статей по гендерной проблематике. Читатель, познакомившийся с *Антологией гендерных исследований*, подготовленной Е. Гаповой и А. Усмановой и включающей в себя, помимо прочего, знаковую статью Л. Малви *Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф*, теперь имеет возможность получить представление о характере «полевых» исследований в области гендерно-ориентированного киноведения. Речь идёт прежде всего об анализе не би-текстуальности как таковой, но об её репрезентации в кино. Не случайно А. Усманова заканчивает вступительную статью *Введение: гомоэротическое желание и текстуальная полисемия* пожеланием, чтобы сборник *Би-текстуальность и кинематограф* занял достойное место на полке *Визуальные исследования* в книжном магазине и библиотеке интеллектуала широкого профиля.

Как и гомосексуальность в знаменитой *Эпистемологии чулана* Ив Кософски Сэдживк (см. рецензию на неё в этом номере ГИ), идеи которой буквально витают над большинством материалов *Би-текстуальности и кинематографа*, бисексуальность является здесь поводом для разговора на самые различные темы. Например, об авторском кино, бисексуальная природа которого после знакомства с книгой уже не может быть подвергнута сомнению. Или о тексте вообще, далеко не только тексте кинематографическом, который также видится авторам принци-

пиально бисексуальным. И действительно, если тексту, в отличие от произведения, непременно присуща диалогичность и, при этом, наслаждение или удовольствие, то *sex-n-text*, говоря словами А. Гаврилова, невозможно разделить; почему бы не предположить, что имманентный тексту сексуальный диалог можно обозначить как би-текстуальность. Именно к таким выводам приходит читатель уже после изучения упомянутого редакторского предисловия.

Дальнейшая логика сборника подчинена иллюстрации би-текстуальности, присущей фильмическому. Наиболее удачными в этом смысле выглядят, опять же, три статьи А. Усмановой, посвященные *Закону желания* П. Альдомовара (*Разноцветная сексуальность и визуальное наслаждение в фильмах Педро Альдомовара*), *Веревке* А. Хичкока (*Непристойные намёки: Хичкок экспериментировал*) и *Blow Up* у Э. Уорхола (*Этика антиуайеристского взгляда: Энди Уорхол в истории крупного плана*). Остальные, также интереснейшие, исследования посвящены Р.Ф. Фасбиндери (*«Обладание без обладания»: би-текстуальность в основании кино и мира сегодня (на материале фильма Р.В. Фасбиндера «Горькие слёзы Петры фон Кант»*) О. Шпараги и *Травма тела: люди и вещи у Фасбиндера* Е. Солодкой), С. Поттер (*Гендерные игры культуры: «Орландо»* Е. Князевой), Д. Джармену (*«Гомоэротический взгляд» художника: Джармен и Караваджо* И. Хатковской), П.П. Пазолини (*Непристойная пустота наслаждения* А. Пигальской). Уже от одного осознания значимости этой режиссерской «компании» у эстетствующего киномана должно возникнуть непреодолимое желание внимательно прочесть сборник от корки до корки, что и произошло с автором данной рецензии. И действительно, *Би-текстуальность и кинематограф* позволяет по-новому взглянуть на творчество метров авторского кино, и этот новый взгляд в значительной степени глубок и оригинален. Или – поверхностен и банален; исходя из идеи сборника, возможно, именно такая характеристика будет расценена в качестве лучшего признания его исследовательской значимости и актуальности.

Но, по большому счёту, эти значимость и актуальность обусловлены новым взглядом на «природу фильмического» в целом. При этом работа с упомянутым киноматериалом, несмотря на изысканные побочные результаты, является лишь производством излишков смысла. Другое дело, что эти «излишки» выглядят значительно более ценными, чем иные результаты. *Би-текстуальность и кинематограф* вполне можно представить себе целостной книгой, написанной коллективом авторов, но проникнутой некими сквозными тщательно исследованными и богато проиллюстрированными темами. Однако, с другой стороны, может быть, прелесть сборника как раз и состоит в том, что читатель самостоятельно вычленяет эти темы и затем, необычайно гордый собой за произведенные усилия, закрывает книгу с чувством поверхностного (читай, экранного) удовлетворения. Как и зритель после просмотра одного из фильмов, попавших в поле зрения авторов сборника.

Вообще говоря, многие из черт би-текстуального кино, отмечаемых авторами, присущи и самим материалам сборника – за исключением, естественно, визуальной составляющей. Это тот случай, когда можно вполне обоснованно заявить, что форма наилучшим образом соответствует содержанию, то есть исследование би-текстуальности само по себе би-текстуально. Допустим, одна из основных упомянутых тем книги – это недоговоренность, свойственная большинству авторских фильмов с неопределённым гендерным контекстом. Ни один из них невозможно обозначить как порнографический, хотя в ряде случаев присутствует весьма откровенный показ нетрадиционных форм отношений. Но эстетическая насыщенность не позволяет этой откровенности перерасти в прозрачность, присущую порнографии, которая «скучна – из-за своей предсказуемости и смысловой однозначности», в то время как «эротическое возникает как эффект фильмического» (Усманова, *Введение...*, с. 14). Авторы сборника также невозможно обвинить в, если можно так выразиться, «интеллектуальной порнографии», учитывая всю тонкость интерпретаций.

Можно рассмотреть и другую черту би-текстуального кино – «гетероглоссию несовместимых культурных дискурсов» и неоднородность художественного образа (там же, с. 14), за счёт чего, собственно, и достигается эффект недосказанности, учитывая, что значительную роль в его достижении играет неопределённость авторской позиции. И здесь, опять же, могут иметься в виду как авторы рассматриваемых фильмов, так и авторы исследований, им посвящённых. В *Горьких слезах Петры фон Кант* Р.Ф. Фассбиндер рефлектирует на тему возможности отношений вне рамок, задающихся сентиментальной экономикой, используя при этом средства, специфические для визуальных искусств. (Именно *искусств*, поскольку отличительной особенностью би-текстуального кино является маскарад их видов и жанров). О. Шпарага продолжает рефлексию на тему «обладания без обладания» в эссеистическом жанре, чаще всего травестийном. Вслед за ней Е. Солодкая в том же жанре анализирует творчество Р.Ф. Фассбиндера, акцентируя его многозначность, за счёт которой, как представляется автору статьи, и может быть реализовано «обладание без обладания». Вовлекая в рассмотрение и другие фильмы Р.Ф. Фассбиндера, прежде всего *Кулачное право свободы*, автор показывает, что фильм – это тело, причём тело травмированное, поскольку наделяется жизнью только на время просмотра. Так что термин «целлулоидный чулан» В. Руссо имеет отношение не только к маргинализации и даже вытеснению гомосексуальной тематики, но и к маргинализации или вытеснению фильмического.

Травма фильма обеспечена «зазором между говорением и видением» (Е. Солодкая, *Травма тела...*, с. 159): именно сквозь этот зазор сквозит недоговоренное и непоказанное. Но поскольку фильм это не только тело, но ещё и зеркало, то всё, что отражается в нем, также травмировано. Исходя из этого, если в фильме не идет речь о травме, то он не является фильмом вообще. Поэтому во всех рассматриваемых фильмах так или иначе показана травма. В *Веревке* А. Хичкока это сделано непосредственно – как порез на пальце одного из главных героев. Как говорит он сам – «*Это ничего*: это только маленький порез (cut)». отсылаю-

что иное» как монтаж. «Хичкок маскирует главным образом две вещи – мужскую гомосексуальность... и монтаж» (Усманова, *Непристойные намеки...*, с. 101). Новация А. Хичкока состоит в том, что в *Веревке* он практически отказался от монтажа или, по крайней мере, попытался сделать его как можно более незаметным, чтобы создать «эффект протекания [из пореза героя или из замаскированных зазоров фильма? – Н. З.] действия в реальном времени» (там же, с. 81). Зато показал травму не посредством зазора между кадрами, но в самом кадре. Так сексуальность становится «технической деталью» и это, парадоксальным образом, ещё более усиливает недосказанность: вряд ли можно припомнить какой-либо другой фильм, где гомосексуальность была бы показана столь наглядно и вместе с тем зыбко. Не случайно *Веревка* считается и одним из самых противоречивых фильмов А. Хичкока, который сам автор считал одной из наиболее серьезных удач, но после этого вернулся к своей обычной режиссерской практике и тематике. Зрители и критики прохладно отнеслись к нему, зато «коллеги по цеху» в полной мере воспользовались содержащимися там находками.

Но все же как этот, так и практически все остальные кинофильмы, которые здесь упоминаются, можно назвать би-текстуальными только в отношении стратегии репрезентации гомосексуальности в них. В этом смысле из общего ряда выделяются *Орlando С. Поттер*, которому посвящено исследование Е. Князевой. Именно в нем осуществлена деконструктивная работа с взглядом. Этот фильм вряд ли обеспечит визуальное удовольствие маскулинного характера, описанное Л. Малви: главная героиня, гендерная принадлежность которой принципиально не определяется, сама нередко пристально смотрит на зрителя. Этот взгляд может служить наилучшей иллюстрацией лакановского *gaze*, по сравнению, скажем, с героем *Закона желания*, которому запрещено смотреть на автора фильма, съёмки которого встроены в фильм П. Альдомовара. Исхитрившись, он может разве что бросить беглый взгляд, *glance*, в камеру, то есть на зрителя. Герой *Blow Up* Э. Уорхола также принципиально не смотрит на него, реализуя стратегию ускользания. Но всё это выглядит полумерами по сравнению с будоражащими визуальными ходами *Орlando*. Причём нельзя сказать, что этот фильм отличается излишней прямолинейностью, скорее ему присуща некая изящная откровенность в сочетании с гендерной инверсией. В этой связи можно упомянуть ещё и *Пианино Дж. Кэмпбелл*, который, к сожалению, не анализируется в *Би-текстуальности и кинематографе*. Вероятно, можно сделать предварительный вывод о том, что всё же именно в «женском» кино би-текстуальность может быть репрезентирована наилучшим образом. Но не следует забывать и о том, что, как отмечает А. Усманова вслед за У. Эко, «интенции эмпирического автора не играют существенной роли» (*Введение...*, с. 24). Что, собственно, наилучшим образом соотносится с основной идеей сборника: би-текстуальность присуща фильму как тексту вне зависимости от его сюжетных и стилистических особенностей.

Наталья Загурская. Великолепные женщины и их цена.

Зигмунд Анна Мария. Женщины нацистов I. – М.: Ладомир, 2001. – 230 с.

В русскоязычном контексте исследованию А. М. Зигмунд трудно избежать сравнений с нашумевшим бестселлером *Кремлевские жёны* Л. Васильевой. Это связано в первую очередь с тем, что в упомянутом контексте весьма популярны сравнительные исследования тоталитарных культур начала–середины прошлого века. Учитывая сходство тематики обеих книг, этого сравнения практически невозможно избежать. Однако стоит его углубить, и тут же оказывается, что *Кремлевские жёны* и *Женщины нацистов* – исследования скорее принципиально различные на большинстве уровней: идеологическом, методологическом, стилистическом. Если Л. Васильева пишет явно в публицистическом ключе, развёртывая очерк до объёмов книги, то А. М. Зигмунд работает в рамках добротного научно-популярного жанра. Хотя иногда многочисленные документы используются в неравных пропорциях и по не вполне объяснимым причинам одним уделяется больше внимания, чем другим (допустим, излишне много места отводится всему, что связано с денацификацией), это не вредит осуществлению главного замысла книги – создать максимально приближённые к реальности образы женщин Третьего Рейха.

Исследование А.М. Зигмунд может быть рекомендовано как «самому широкому кругу читателей», так и специалистам. Упомянутые ссылки на многочисленные документы значительно повышают доверие к автору. Напомним, что *Кремлевские жёны* снабжены списком самых общих источников, соотношение которых с основным текстом не проясняется.

Кроме того, *Женщин нацистов* выгодно отличает отсутствие изложения общеизвестных исторических фактов, а также пересказа многочисленных сплетен, слухов, предположений. Они присутствуют здесь только в качестве упоминаний, некой «приправы» к основному блюду, приготовленному по выверенной с немецкой точностью рецептуре. Возможно, широкому читателю и интересно было бы узнать всё многообразие версий, скажем, относительно смерти Гели Раубаль в той же мере, в какой они излагаются Л. Васильевой относительно смерти Надежды Аллилуевой. Но читатель, так или иначе уже задавшийся «женским вопросом» в тоталитарной культуре, перекормлен многочисленными и противоречивыми медиа-материалами и хотел бы, наконец-то, узнать не очередную версию того или иного события или ознакомиться с очередной компиляцией уже имеющихся версий, но получить представление об имеющихся документальных свидетельствах, чтобы иметь возможность сформировать собственный взгляд на то или иное событие.

Основой для этого может стать уже первая глава исследования – *Гитлер и немецкая женщина*, в которой постулируемые и реальные статус и роль жен-

щины в идеологии и практике Национал-социалистической немецкой рабочей партии показаны во всей их многогранности и противоречивости. С одной стороны, не вызывает сомнений мизогиния, свойственная нацизму, с другой стороны показано, что женщины внесли огромный вклад в его становление. А.М. Зигмунд предлагает критически отнестись к заявлениям нацистских лидеров и идеологов о том, что женщина должна проводить большую часть времени дома, среди «стайки счастливых ребятишек» в ожидании мужа, «отражающего врага». При этом женщина ни в коем случае не должна быть «игрушкой, изукрашенной мишурой... Немецкая женщина – благородное вино» (с. 12). Эта цитата из *Азбуки национализма* К. Розена отражает прямолинейно-потребительское отношение к женщине, которая в данном случае несомненно «существует», но существует в качестве хотя и изысканного, но всё же товара. То есть речь идёт о возвращении к архаической схеме межполовых отношений, что вполне согласуется с общей тенденцией к архаизму, свойственной германскому фашизму. Документальные свидетельства, собранные в книге, указывают и на то, что практиковалась также и стратегия обмена женщинами, имевшая огромное символическое значение. Особенно чётко это можно проследить в связи с усилиями, которые прилагались к вовлечению «породистых» женщин в нацистские круги. В качестве примера можно привести значение, придававшееся происхождению и манерам Карин Геринг или стати и светскости Магды Геббельс. Кроме того, почти все «героини» книги обладали достаточно привлекательной внешностью, которая также рассматривалась как символический капитал женщины, подлежащий обмену. Нередкая идеализация женщины, как и следовало ожидать, ни в коей мере не противоречила экономическому подходу к ней. Целиком и полностью семейный, пользуясь классификацией К. Пламмер, сценарий женской судьбы лишал её права на любые проявления чувств, удовлетворение желаний, потребности в общении и материальную самостоятельность. Не случайно книга мемуаров супруги «австрийского фюрера» Бальдура фон Шираха Генриетты названа ею *Цена великолетия* и тем более не случайно после Нюрнбергского процесса она покинула мужа в поисках более социально успешной кандидатуры: фон Ширах был уже не в состоянии заплатить за благосклонность Генриетты великолепием.

Экономический подход к женщине внедрялся в Германии ещё в 20-е годы, когда женщины освоили большинство сфер деятельности, традиционно считавшихся мужскими. При этом, в отличие от советского стандарта, тенденция к профессиональной реализации распространилась в массовой среде уже после того, как была принята «высшим светом». После прочтения *Женщин нацистов* можно сделать вывод, что при наличии определенной тяги ко внесемейной деятельности, женщина могла реализоваться в ней, однако только в том случае, если интересы женщины совпадали с интересами партии и государства. Что, в общем-то, не может быть рассмотрено как ограничение, специфическое для

женщин Третьего Рейха, поскольку имело универсальный характер. Но в любом случае исследование показывает, что каналы так называемой эмансипации в период попытки реализации проекта Третьего Рейха не были полностью перекрыты.

Кроме того, в случае необходимости или в экстремальных обстоятельствах женщины в принудительном порядке привлекались к общественно полезному труду. Так что при всём различии в идеологических фундаментах нацистские и коммунистические практики женского удивительно схожи, и это лишний раз доказывает тезис о том, что проекты русского коммунизма и Третьего Рейха как варианты апофеоза модерна были проектами сугубо маскулинными, а точнее говоря – даже мачистскими.

Отличие, возможно, состоит в том, что «женщины коммунистов», как правило, не были просто их спутницами жизни или объектами манипуляций, пленёнными носителями идеологии как лакановским *объектом а* – неуловимым, но придающим особую привлекательность владельцу. Эти женщины во многих случаях стали большевичками до того, как познакомились с будущими супругами, прошли через тюрьмы и подполье и, значит, речь шла о браках на основе в том числе и разделяемой идеологии. «Женщины нацистов», напротив, чаще всего воспринимали идеологию сквозь призму харизмы её носителей, а нередко - и непосредственно фюрера. Так, предполагается, что Магда Геббельс вступила в брак во многом ради близости к Гитлеру, а сам Йозеф Геббельс нередко выступает соперником жены в борьбе за его внимание; этими причинами объясняется и её едкая критика в адрес Евы Браун...

Оставляя за пределами рассмотрения многочисленные вопросы, связанные с иррациональной природой влияния Гитлера на окружающих, в частности женщин, отметим, что возвышенный объект нацистской идеологии легче всего связывается с Гитлером именно женщинами. Исходя из материалов *Женщин нацистов*, этот факт можно объяснить совершенной гитлеровской техникой «подвешивания», используя феноменологический термин, женского желания. Многие из женщин, чьи биографии изучаются автором книги – Магда Геббельс, Гели Раубаль, Ева Браун – постоянно ждут Гитлера, причем вряд ли можно четко обозначить цель этого ожидания, что, безусловно, усиливает общую притягательность фюрера и для остальных. И если большевички иногда и сами имели возможность быть такого рода отсутствующим объектом (находясь, скажем, в эмиграции), то женщины нацистов выступают её субъектом – таким же, как народные массы.

Конечно, жанр исследования А.М. Зигмунд не предполагает подобного анализа, однако он представляет собой прекрасный материал для него. Скажем, исследовательница обращает внимание на то, что случаи влияния женщин на формирование нацистской идеологии единичны и косвенны. К примеру, она полагает, что именно увлечение Карин Геринг оккультизмом повлияло на вы-

бор нацистской символики: на каминных штангах замка, принадлежавшего её семье, были изображены свастики. Этим её влияние и ограничивается, не считая того, что Карин Геринг сама по себе была «нордическим идолом» с идеально соответствующим нацистским представлениям о женщине внешностью и характером.

Более сложен и интересен в этом смысле пример Лени Рифеншталь, которой явно симпатизирует автор, подчеркивая её несомненный талант и здоровую амбициозность. Рифеншталь и сегодня признают одной из самых влиятельных фигур в области кинодокументалистики. При этом её вряд ли можно назвать женщиной нациста или нацистов, скорее, женщиной Рейха в целом. Б. Парамонов в *Конце стиля* цитирует отрывок из достаточно недавнего интервью Рифеншталь, по понятным причинам сменившей сферу деятельности, в котором она поясняет принцип отбора натуры в ходе подводной фотоохоты: в её объектив попадает только «инородное» (в батаевском смысле этого слова), то есть только те обитатели моря, которые принципиально отличаются от прочих своей окраской или другими особенностями. Подобным образом она интуитивно восприняла «инородность» нацизма и примкнула к нему. Глава о ней в *Женщинах нацистов* вполне подтверждает вышесказанное, подчеркивая вкус Рифеншталь к инаковому, составляющий специфику её таланта. Принципиально отсутствующий объект подлинного художественного поиска сливается для неё с так же отсутствующим объектом идеологии.

Равнение на него позволяет соотнести жизненную стратегию Рифеншталь с жизненными стратегиями других женщин нацистов. То же самое можно сказать и о другой выбывающей из общего ряда женщине – Гертруде Шольц-Клинк, «имперской руководительнице женщин». Её также можно было бы назвать женщиной Рейха, если бы она не «почитала Гитлера как Бога» (с. 117), а её поклонение фюреру не носило бы религиозного характера.

В заключение можно сказать, что какими бы разными не казались бы на первый взгляд все упомянутые женщины, после знакомства с книгой *Женщины нацистов* становится очевидным их сходство, основной критерий которого – восприимчивость к идеологическому как таковому. Возможно, в связи с тем, что разделы имеют различный объем, не все образы выглядят одинаково выразительными в этом смысле, но всё же тенденция намечена вполне чётко. Видимо, её дальнейшее развитие подразумевается и в *Женщинах нацистов II*, в которую должен войти материал о других значительных женских фигурах эпохи Третьего Рейха.

Но главное достоинство книги видится скорее всего в том, что *Женщины нацистов* могут привлечь и тех, кто интересуется не только гендерной проблематикой, но и идеологией. Такого рода междисциплинарность придает книге А.М. Зигмунд особую привлекательность и заставляет надеяться на продолжение заявленной серии.

Виктория Суковатая. *Анализируя женщин: гендерный либерализм в романах «разбитого поколения» и в постсоветской женской прозе.*

Людмила Коль. *Женщины. Десять историй о нас. Вступительная статья М.В. Михайловой. (Хельсинки: Literaturus, 2003), 206 с.*

Чарлз Буковски. *Женщины /Пер. М. Немцова. (Владивосток: Лавка языков, 2000), 320 с.*

На настоящий момент мне известны две книги под одинаково символическим и «пустотно-многосмысленным» названием: это роман «грязного реалиста» Чарлза Буковски, одного из лидеров американских битников и «крутого» литературного провокатора, и книга Людмилы Коль, молодой российской писательницы, работающей в жанре женской «автобиографической» прозы.

О Чарлзе Буковски (как и других его знаменитых современниках) на Западе не писал только ленивый: Буковски, Берроуз, Керуак, Гинзберг, Уорхол – классическая обойма современного постмодерниста и просто «модного» критика.

Рассказам и повестям Л. Коль предшествует детальная статья известного московского филолога, профессора МГУ, Марии Викторовны Михайловой, в которой она подробно исследует художественные достоинства и особенности творчества автора. Поэтому у меня нет необходимости превращаться в литературоведа «на час»; думаю, что это неблагодарная и невыполнимая (если быть серьезным) задача в пространстве двух страниц; я попытаюсь, в соответствии с принципами «рецептивной эстетики» В. Изера и Дж. Куллера, не проникать в авторский замысел, а суммировать впечатления «читателя» от этих двух книг: есть ли в них что-то общее кроме названия?

Роман Буковски «Женщины» – о мужчине. Вернее, о женщинах в жизни мужчины. Немолодой, циничный, не очень счастливый писатель Генри Чинаски (от его лица написан текст) боится смерти, боится одиночества, и свою старую «травму» – рану «маскулинности», артикулирует в языке, в романе, а также в определенных практиках маскулинности («*habitus*»), которые ему как бы помогают «изжить» застарелые социальные и сексуальные комплексы. Социальное и сексуальное у Буковски тесно связано. Герой романа, Генри Чинаски, пытается соответствовать всеамериканскому идеалу «большого плейбоя» – «*мальчики сверху*» – все больше убеждаясь (по ходу сюжета), что, в действительности, хочется ему совсем другого – принятия «женственного» себя, слабого, ранимого и преданного; однако фаллическое конструирование успешности – через дискурс «власти» и «потребления» женщин и женской энергетики, заставляет героя вновь и вновь ломать отношения, чувства, бежать от одной женщины к другой, чтобы в конце концов утвердиться в культурном статусе «доминирующего» мужчины. «Старик, – говорит ему один из его приятелей в конце книги, – все твои проблемы оттого, что ты не уверен в себе». Роман называется

«Женщины», но написан «мужским» языком («захвата» и «проникновения»), очаровательно откровенен и лихо-натуралистичен.

Книга Людмилы Коль «Женщины» включает десять новелл, связанных едиными тематикой и изобразительным принципом – «о женской повседневности», об антропологии женского «*habitus*»^а. Несмотря на то, что тексты знаменитого американца Буковски и нашей современницы Людмилы Коль разнесены – во времени, пространстве, проблематике, по культурным эпохам и художественным задачам, в качестве объединяющего их момента я вижу то, как в них намечена нить «женской судьбы». Все героини в романе Буковски, которые рано или поздно превращаются в любовниц субъекта повествования, это женщины с не сложившейся личной и социальной судьбой. Не раз обманутые бывшими мужьями или возлюбленными, часто – наркоманки, потерявшие работу или не реализовавшие себя в творчестве, они, как бабочки, слетаются к успешному писателю, герою романа Генри Чинаски в поисках любви и понимания. И он, в общем-то дает им эту любовь – на какое-то время, экспериментируя в отношениях с ними, но никого не осуждая, не отвергая, а даже искренне восхищаясь красотой женского тела и сексуальности. Своей самой легкомысленной подруге, которую другие мужчины называют «шлюхой», он объясняет: «Ты просто горяча и любишь секс, в этом нет ничего дурного». Наиболее гуманистическим моментом у Буковски является его оппозиция традиционным пуританским взглядам (я бы это назвала гендерным стереотипом), согласно которым, женщина *не должна*: получать удовольствие от секса; часто менять партнеров; самой выбирать партнера и проявлять активность в контактах; легко соглашаться на контакт, даже если мужчина ей нравится; соглашаться и стремиться к отношениям, которые не ведут к браку и семье; соглашаться на секс «без любви». Однако в романе Буковски почти все отношения начинаются «без любви», по инициативе женщин и вовсе не имеют своей целью брак и семью. Однако все эти женщины, героини романа, изображаются очень позитивно, с сочувствием к ним и с иронией к главному персонажу мужчине. Автор показывает, что знание своей сексуальности – одна из важных граней личности, и женщины нуждаются в сексуально-социальном экспериментировании не меньше, чем мужчины, реализуя тем самым своё право на свободу. И в признании этих женских прав состоит эмансипационное значение американской «сексуальной революции» 70-х гг., «*habitus*» которой изображает Буковски.

В странах бывшего Советского Союза начало «сексуальной революции» принято датировать 1991 годом, открывшим эпоху либерализации общественной (и сексуальной) морали. Подобно женщинам в романе Буковски, все героини Людмилы Коль не очень благополучны в личной и профессиональной жизни, часто их «повседневность» образуется из мутного пространства «непонимания» – самих себя, поступков своих мужей и подруг, неспособности повлиять и изменить обстоятельства своей жизни, и главное – жестокой, давней оби-

ды за свою женскую, сексуальную невостребованность и нереализованность, которая заставляет «каменеть» душу и терять веру в свои силы, терять жизненный кураж (Коль: «Гадкий-прегадкий мир», «Сколько праздников в году», «Маленькая новелла ни о чем»). В новеллах Л. Коль героини долго-долго говорят о чувствах, взглядах, прикосновениях, письмах и звонках, и сбегают от любовника при его попытках к физическому сближению; а потом долго-долго уверяют себя и читателя, что в своей жизни они *все сделали «правильно»*, не вступив на «скользкий путь» сексуальных удовольствий; а на самом деле – испугавшись этих удовольствий, испугавшись осуждения общества, знакомых, семьи, собственной «совести», а главное – нового знания о себе, о расширении границ своей сексуальности. Каждая новелла Л. Коль по-своему печальна, так как возможности, предоставляемые жизнью, и сами женские фантазии так и не реализуются героинями, оставаясь исключительно вербальными фантазиями, осуществляясь не в действии (как у героинь Буковски), а в *фантазировании* об их действиях. Говоря о чувствах, своих семейных и родственных связях, героини Л. Коль бесконечно молчат об эротическом, а согласно психоанализу, молчание – и есть «знак» травмы, страдания. Не появляется в текстах писательницы ни одного постсоветского «плейбоя», способного повысить самооценку этих женщин, оправдать и оценить их право «быть горячими» и при этом не считаться «шлюхами» – в глазах общества.

Так, объединяющим моментом двух этих текстов является, на мой взгляд, то, что оба они посвящены изображению женщин периода «сексуальной революции» – у Буковски в США, у Коль – в пореформенной России; а различающим знаком – сама оценка «женского опыта». Феминистская борьба за эмансипацию либерализовала американские гендерные ценности более четверти века назад; «сексуальная революция» в бывшем СССР насчитывает около десяти лет; однако в американских текстах женщине «позволено все», в постсоветских – «запрещено» главное: быть сексуальной и получать от этого удовольствие.

В книге – как в жизни?...

P.S. Популярность «женской темы» в современной массовой аудитории такова, что даже в пределах одной книжной полки можно найти дюжину произведений самых разных жанров, в названии которых фигурирует дериват «женского» (например: К. Булычев. *Женщины-убийцы* (1996 год); А. Зигмунд. *Женщины нацистов* (Перевод с немецкого, 2001 год); Ю. Иванова. *Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах* (2002 год); Г. Кабакова. *Антропология женского тела в славянской традиции* (2001 год); В. Кардапольцева. *Женские лики России* (2000 год); Н. Колесников. *Толковый словарь названий женщин* (2002 год); Дж. Ландрам. *Тринадцать женщин, которые изменили мир, перевод с английского, 2002 год*); Л. Репина. *Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого* (2002 год); П. Евдокимов.

Женщина и спасение мира (1999 год); Б. Соколов. *Арманд и Крупская. Женщины вождя* (1999 год); *Судьбы и образы женщин средневековья*. Сборник статей (2001 год) и пр.)

Однако, выбирая чтение «для положительных эмоций», можно ли найти вещь «о женщинах счастливых»? Или постсоветское общество к этому не располагает?

В.Горлова: Соломія Павличко. Фемінізм (Київ.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2002), 322 с.

Я читала этот сборник с неподдельным интересом – как обстоятельные статьи и исследования, так и замечательные интервью с автором. Деятельность Соломеи Павличко в качестве литературного критика характеризовалась резонирующими и смелыми темами, которые она затрагивала и в своих научных исследованиях. В сборник вошли материалы на достаточно широкую тематику; все тексты сгруппированы в хронологическом порядке, с 1991 по 1998 годы, и написаны одновременно простым и изысканным стилем. Ряд статей, написанных в начале девяностых, посвящены истории эмансипации и равноправия в советское время. Они изобилуют статистическими данными, подтверждающими квазиравноправное положение женщин, с пресловутой тридцатипроцентной квотой женщин в парламенте и местных органах управления, но полным отсутствием женщин на должностях, связанных с принятием кардинальных решений. Хотя, на мой взгляд, некоторые статьи интересны скорее в историческом аспекте, но не являются актуальными сейчас.

Целый ряд блистательных эссе посвящен истории феминистского движения в Украине, которое началось в 80-е годы 19 века и связано с известными именами украинской литературы: Наталья Кобринская, Леся Украинка, Ольга Кобылянская. С. Павличко специально отмечает, что идеи прав женщин на равенство и социальные свободы поддерживали также политический деятель и писатель Иван Франко и литературный критик Михаил Павлик. Кроме того, она очень интересно, живо и убедительно дает анализ литературных произведений украинских писательниц прошлого с точки зрения феминистской критики. По мнению С. Павличко, ряд программных феминистских произведений (*Блакитна троянда* Л. Украинки, *Людина* и *Царівна* О. Кобылянской) не вписывались в популистский народнический стиль украинской литературы конца 19 ст. и были забыты – часто вполне преднамеренно. Однако С. Павличко оценивает положительно литературную деятельность этих писательниц, которые своими произведениями выступили за модернизацию и либерализацию украинской

культуры, расширив ее дискурс неслыханными до этого темами, такими, как женская сексуальность, свобода поведения и выбора.

Среди тем, затрагиваемых С. Павличко, следует выделить рефлексию по поводу современного состояния украинской литературы (*Виклик стереотипам: нові жіночі голоси в сучасній українській літературі*). Автор подвергает анализу современное состояние украинской литературы, и в первую очередь творчество женщин-писательниц. По словам автора, феминистская литература в Украине закончилась с наступлением большевистского режима, и почти 70 лет можно было наблюдать отсутствие ярких женских имен в литературном процессе, что представляет собой весьма симптоматичный процесс. Но сейчас ситуация постепенно меняется, появляются новые интересные писательницы, такие как Г. Пагутняк, Е. Кононенко, С. Касьянова.

Весьма интересны детальные и обстоятельные статьи, в которых анализируются основные направления западных феминистских исследований. Джудит Батлер, Мишель Фуко, Симона де Бовуар, Люси Иригарэ – вот далеко не полный список имен, концепции которых С. Павличко подвергает скрупулезному анализу. Подводя итог своим размышлениям, С. Павличко приходит к выводу, что современному западному феминистскому движению присуща амбивалентность или даже «отсутствие лица» (с. 226). Марксистские феминистки, критики-лесбиянки, эссенциалисты, конструктивисты – все они находятся в своеобразном «конфликте», не находят понимания в своих рядах, к тому же, по словам автора, женское движение не является единым и этим оно отображает «отсутствие единых идентичностей, как половых, так и гендерных» (с. 227).

Анализируя современную ситуацию в Украине, С. Павличко делает вывод, что феминистского движения как такового в Украине нет. Это объясняется тем, что, по словам автора, Украина не является на данный момент демократическим и либеральным государством. Однако несмотря на то, что, по мнению С. Павличко, украинская культура и политика по-прежнему оперируют понятиями и смыслами патриархатного дискурса, тем не менее, феминизм как некая интеллектуальная интенция присутствует сегодня в работах современных украинских писательниц/лей, философов, литературоведов, социологов.

Елена Стрельник: Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выразить свои интересы (М.: Весь мир, 2002), 386 с.

Книга *Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выразить свои интересы* – одна из серии исследований, представляющих результаты работы Всемирного банка по вопросам политики развития.

Авторы представили новый подход к проблеме развития через критерий гендерного равенства. Речь идет о следующем. Утверждение принципов гендерного равенства рассматривается сегодня мировым сообществом как необходимая составляющая становления демократии; в основе такой позиции находится проблема прав человека, необходимости их закрепления и обеспечения в любом демократическом обществе. Таковы в общем смысле аргументы в пользу формирования гендерной демократии, в том числе, в странах постсоветского региона. В то же время именно в постсоветском регионе проблемы гендерного неравенства рассматриваются как второстепенные, прикладные по отношению к проблемам более «глобальным» – экономическим, политическим и прочим, а обострения гендерных неравенств в условиях трансформационных изменений стран постсоветского региона рассматриваются как некая «сопутствующая издержка» перехода этих стран к рынку.

В противоположность этому авторы книги утверждают, что проблема гендерного неравенства не является второстепенной по отношению к проблеме экономического кризиса/роста, более того, именно гендерные неравенства могут подрывать способности страны к экономическому росту. Эту мысль авторов подтверждает богатый статистический материал, представляющий данные сравнительных исследований различных аспектов гендерного неравенства в странах Азии, Африки, Восточной Европы, Латинской Америки.

Гендерное равенство в книге понимается как а) равенство женщин и мужчин перед законом; б) равенство возможностей (включая равенство в получении вознаграждения за труд и в доступе к человеческому капиталу); в) равные возможности выразить свое мнение и заявить о своих интересах. Авторами отмечается, что ни в одной развивающейся стране мира гендерное равенство по этим критериям не достигнуто, подтверждая этот тезис эмпирическим материалом, делающим проблему гендерной дискриминации в мире более чем осязаемой.

Таким образом, главный тезис книги – гендерные неравенства коренным образом подрывают эффективность политических стратегий, нацеленных на развитие. Другими словами, достижение гендерного равенства провозглашается центральным моментом развития. В том случае, если стратегии развития игнорируют гендерные отношения и не направлены на ликвидацию гендерных неравенств, они оказываются малоэффективными. По мнению Всемирного банка, гендерное равенство способно усилить способности страны к экономичес-

кому росту, к снижению бедности и эффективному государственному управлению. И напротив, наличие гендерных неравенств имеет ряд негативных последствий для процессов развития.

Гендерное неравенство сказывается, прежде всего, на качестве жизни – бедности, недоедании, болезнях. Традиционное распределение гендерных ролей, по мнению авторов, имеет негативные последствия и социальную напряженность как для женщин, так и для их семей. Например, неграмотность матерей приводит к плохому качеству ухода за детьми, к более высокому уровню младенческой и детской смертности. Гендерные неравенства имеют свои негативные последствия и для мужчин. Так, в условиях экономических трансформаций стран Восточной Европы показатели уровня смертности мужчин достигли крупнейших из зарегистрированных в мирное время; их рост связан с повышением стресса и тревожных состояний. В этом же ряду стоят такие болезненные социально-психологические следствия трансформационных процессов, как алкоголизм, самоубийства, насилие в семье, уровень разводов.

Кроме того, вместо традиционной тенденции противопоставлять подходы к развитию, ориентированные на экономический рост, подходам, базирующимся на правах, авторы книги доказывают, что для реализации долгосрочной стратегии достижения гендерного равенства экономические трансформации не являются достаточными – необходимы и изменения институциональные, прежде всего обеспечение гендерного равенства в правах. Книга содержит достаточно обстоятельный раздел, посвященный институциональным источникам гендерных неравенств – гендерным ролям, нормам, праву. На основании сравнительных исследований авторами предложены и конкретные практические стратегии, направленные на формирование гендерного равенства.

Работа по достоинству может быть оценена экономистами, социологами, демографами и всеми равнодушными к проблемам гендерного равенства в современном обществе.

Иван Колодий: С. Айвазова, Г. Кертман. Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. в России (М: Эслан, 2000), 70 с.

Главные усилия феминисток, стоявших у истоков женского движения в 60-х годах 19-го века, были направлены на получение политических прав, возможности участвовать в политическом процессе, избирать и быть избранными. Россия является страной с богатыми традициями женского движения, но исто-

рия достижений женщин на ниве борьбы за участие в политическом процессе неоднозначна. Авторы сборника *Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. в России* Светлана Айвазова и Григорий Кертман дают развёрнутый ответ на вопрос о ситуации участия женщин в политической практике современной России. Анализ производится по двум направлениям: парламентские выборы 1999 года и президентские выборы 2000 года. Для оценки ситуации выборов в высший законодательный орган авторы анализируют с гендерной точки зрения списки кандидатов в депутаты Государственной Думы, программы политических объединений, итоги выборов с точки зрения представленности того или иного пола; президентские выборы авторы рассматривают сквозь призму гендерного подхода к политическим программам кандидатов в президенты, анализируя при этом и гендерный аспект электората.

Результаты проведенного анализа констатируют неутешительный факт – проблема гражданского равенства мужчин и женщин в России остаётся практически незамеченной российским политикомом: в тех редких случаях, когда политики упоминают эту проблему, она остаётся нераскрытой в дальнейшем (например, программа Бориса Ельцина на президентских выборах 1996 года). Интересен также приводящийся авторами исследования факт высокого количества женщин в списках КПРФ по сравнению с другими политическими движениями России. Если, как известно из истории, в советское время существовала квоты, согласно которым в законодательные органы власти должно было проходить определённое количество женщин, то и по сей день в КПРФ осталось некое подобие таковых. Однако, по мнению авторов исследования, «широкое представительство женщин в рядах» современных российских коммунистов при отсутствии каких-либо ссылок на социальные интересы женщин в их программном документе происходит скорее по инерции, нежели вследствие целенаправленной политики.

Интересной является ситуация с партией *Яблоко*, в которой количество кандидатов женщин по одномандатным округам приблизительно равно количеству, выставленному на выборы КПРФ. Но из этих кандидатов женщин, выдвинутых партией «Яблоко», не прошло ни одной.

На мой взгляд, интересным в книге является описание своего рода эксперимента, проведённого во время президентских выборов 2000 года Консорциумом неправительственных женских объединений. Было разослано специальное обращение кандидатам в Президенты с целью выяснить их подход к проблеме «практической реализации принципа равных прав и равных возможностей для женщин и мужчин», а также с целью «оценить их позицию по отношению к женским организациям как составной части гражданского общества». Сам факт ответа на это обращение воспринимался организаторами как осознание необходимости диалога с избирателями и общественными организациями, заинте-

решенными в открытом обсуждении проблемы равных прав и равных возможностей для женщин и мужчин. В центре обращения был размещен вопрос: готов ли кандидат признать, «что женщинам необходимо предоставить по крайней мере треть мест в списках кандидатов в депутаты парламента страны», а также готов ли он «на законодательное закрепление соответствующего норматива»?

Как отмечают авторы, все ответившие кандидаты мужчины, за исключением Г. Явлинского и В. Путина (ответ от лица которого был простой формальностью) заявили позицию, отличную от буквы и духа российской конституции. Только Владимир Жириновский объявил себя «последовательным сторонником принципа равенства прав и возможностей женщин и мужчин», в то же время лидер *Блока Жириновского* считает, что в России этот принцип и так реализуется в достаточной мере, а малочисленность женщин в политике он объясняет нежеланием самих женщин голосовать «за представительниц своего пола».

В целом книга является одной из ряда исследований, попытавшихся критически осмыслить положение женщин на просторах нашей бывшей общей родины. Остается только пожелать, чтобы освещение проблемы равенства возможностей было доступно тем социальным группам, которые заинтересованы в её решении.

Иван Колодий: Женщина и выборы, под ред. И. Вирганской и Т. Тройновой (М.: Эслан, 2001), 112 с.

Основой сборника «Женщина и выборы» послужили материалы круглого стола, проведённого 13-14 июня 2001 Женской информационной сетью и Клубом Раисы Максимовны Горбачевой при поддержке Фонда проектов в области прав человека МИД Великобритании (FCO UK) и Горбачёв-Фонда. В него включены как тексты выступлений участниц круглого стола, так и обзорные материалы, подготовленные О. Здравомысловой и И. Горшковой.

Наиболее важными темами, вокруг которых развернулась дискуссия, были проблема электората женщин-кандидатов (кто и почему голосует на выборах за женщин?), стратегии создания образа женщины-политика в период избирательных компаний (каким образом может быть создан позитивный образ женщины-политика?), а также вопросы финансирования предвыборной компании женщин-кандидатов.

Как отметила Ольга Здравомыслова, цель, которую ставили организаторы проекта – создание «предпосылок для обеспечения гендерной справедливо-

сти в управлении государством, а также понимания электоратом в целом ценности гендерного равенства в политике». В свою очередь Ирина Виргинская подчеркнула, что организаторы хотели услышать «живые впечатления, точки зрения и выводы людей, которые могут изложить свою позицию, опираясь на опыт, полученный ими во время выборов».

На наш взгляд, особое место в сборнике занимает статья Н. Шведовой «Россиянки и власть», в которой осуществлен анализ аргументации, приводимой как за, так и против системы квотирования представительства женщин на выборных постах.

Подводя итог обзору материалов круглого стола, О. Здравомыслова отмечает отсутствие в российском обществе сил, «которые могли бы лоббировать идею женского представительства в политике», способных вывести данную проблему «на уровень серьёзной общественной дискуссии». Одним из путей выхода из сложившейся ситуации может стать введение системы квотирования, однако данная мера не является достаточной для качественного изменения существующего положения дел. По мнению О. Здравомысловой и И. Горшковой, в процессе создания необходимых предпосылок гендерного равенства в управлении государством должна стать система целенаправленной подготовки женщин к политической деятельности. Авторы отмечают перспективные направления работы женского движения в России, а именно – обучение женщин профессии политика, просветительская работа среди представителей власти, лоббирование интересов женщин на уровне законодательства, организация специальной поддержки женщин-кандидатов на выборах, работа по разрушению сексистских предрассудков в обществе.

Ольга Романцова: Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы, под ред. Ф. Гардинер (М.: Идея–Пресс, 2000), 312 с.

Данная книга, представляющая собой перевод статей западных авторов, осуществленный под редакцией Елены Мезенцевой, затрагивает тему, далеко не второстепенную в гендерных исследованиях – гендерное равенство. Классические стереотипы дискриминации по признаку пола выражают себя в неравенстве возможностей полов в сфере занятости, опосредованном доступ женщин к социальным благам, официальном непризнании производительного труда женщин в домашнем хозяйстве, заниженном представительстве женщин в органах, принимающих политические решения.

Проводимый в данном сборнике анализ гендерных политик осуществляется с точки зрения государственной социальной политики государств Запад-

ной Европы – «*sex equality policy*», «политика обеспечения равенства полов», «политика равенства», «политика равноправия» выступает базовым аспектом рассмотрения данной темы. Лейтмотивом в данном случае можно назвать выявление недостатков современных либеральных демократий, а именно, недооценку значения различий социальных прав по критерию гендера.

Сборник состоит из трех частей, в каждую из которых включены статьи как теоретического, так и эмпирического характера. В первой части сборника – «Спорные концепции и технологии селекции», первая глава (автор – Клэр Килпатрик) посвящена обсуждению основных понятий, связанных с достижением равенства в сфере занятости и в политике, которые обсуждаются здесь в правовом контексте. При этом в качестве эмпирического примера концептуальных различий и связанных с ними затруднений используется принцип «*equal pay*» – равной оплаты за труд равной ценности, или «равное вознаграждение».

Политические аспекты проблемы рассматриваются П. Норрис, Ф. Гардинером и М. Лейенаар, а именно, различные стратегии политики равенства – начиная от риторических до практики позитивной дискриминации. В качестве примера приводится процесс отбора кандидатов в Лейбористской партии Великобритании. Гардинер и Лейенаар исследуют ситуацию в Ирландии и Нидерландах и показывают дружественность этих государств в отношении проведения политики, способствующей росту числа женщин в выборных органах власти.

«Элементы политического сообщества и политические процессы», составляющие вторую часть сборника и ее общая тональность заданы вступительной статьей Джони Ловедунски «Равенство полов и правила игры». По мнению автора, несмотря на то, что в современной Европе демократические идеалы поддерживают и воспроизводят систему мужского доминирования, они вместе с тем расширяют возможности женщин как подчиненной социальной группы: выражая свои требования и отстаивая права, женщины формируют организованное политическое сообщество, постулирующее идеи гендерного равенства.

Джойс Аутшорн в статье «Институционализация феминизма: сеть государственных институтов по проблемам женщин в Нидерландах» доказывает, что Нидерланды добились значительных успехов в сфере гендерного равенства благодаря уникальной организации «политики государственного феминизма», явившейся национальным механизмом политики равенства полов. Перспективными направлениями развития женской политики в данной ситуации, по мнению автора, является реализация таких организационных возможностей, как межведомственный подход, при котором «женский вопрос» не сводился к некоторым конкретным проблемам, решаемым в рамках одного министерства, а требовал системы взаимодействия, предполагающей сотрудничество представителей женского движения и государственных чиновников.

«Приватизация» равенства, «гендерное» гражданство, роль международных организаций» – основное внимание этой части сборника уделяется процессу выработки политических решений, разработке и реализации конкретных мер в области достижения равенства.

В статье Яна Форбса «Приватизация политики равенства полов на рынке труда для женщин Британии» рассматриваются общие тенденции в политике равенства полов на рынке труда для женщин на примере Британии. Главной причиной трудностей антидискриминационной политики, по мнению автора, выступает отсутствие в обществе соответствующей законодательной базы, позволяющее попыткам парализовать ее выступать в качестве селекционного механизма общественных институтов.

«*DEA EX MACHINA* или *FEMINAE IN MACHINA?*» – объектом внимания автора статьи Боба Рейнальда является вопрос о равноправии на уровне функционирования международных организаций, а именно, Европейского Союза. Обращаясь к древнегреческой аналогии, Рейнальд сравнивает действия ЕС с эффектом «богини из машины» (*dea ex machina*): международные соглашения о правах женщин в интерпретации автора как бы «сваливаются с неба»; политика ЕС признается игнорирующей различия между равноправием и эмансипацией. Цель данной главы – показать, что политика равноправия, проводимая международными организациями, включая ЕС, порождена не *dea ex machina*, а скорее, *feminae in machina*, т.е. является результатом политической активности женщин.

Избегая излишнего оптимизма, в качестве эпилога вышесказанному можно сказать, что наравне с воспроизводством стереотипов массового сознания и первичного разделения труда между мужчинами и женщинами, угрозы трансформационным процессам на этом направлении будут сохраняться. Возможно, в целях избавления от принципов бинаризма и иерархии следует развивать не только политики равенства, но и политики различия?..

Анна Афанасьева. *Зонт, булавки и блокнот. Викторианские путешественницы на территориях империи: обзор литературы*

S. Mills, Discourses of Difference. An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism (London and New York: Routledge, 1991), 232 p.

Ch. McEwan, Gender, Geography and Empire. Victorian Women Travellers in West Africa (Aldershot: Ashgate, 2000), 250 p.

S.A. Blake, «Woman's Trek: What Differences Does Gender Make?», in Chaudhuri N. and Strobel M., eds., Western Women and Imperialism: Complicity and Resistance (Bloomington and Indianapolis: Indiana UP, 1992), pp. 19 -34.

M. Hatem, «Through Each Other's Eyes: the Impact on the Colonial Encounter of the Images of Egyptian, Levantine-Egyptian, and European Women, 1862–1920», in Western Women and Imperialism, p.35 - 58.

В последнее время литература путешествий, распространившись за пределы сферы собственно литературоведческого анализа, все чаще оказывается в фокусе внимания историков, антропологов, психолингвистов, географов. Обращение к этой теме обусловлено, с одной стороны, интересом к текстам путешественников как форме культурного производства, к их роли в конструировании знания о мире «вне Европы». С другой стороны, изучение литературы путешествий непосредственно связано с вопросами об образе «другого» для европейской национальной идентичности.

Особое место среди работ, посвященных этим вопросам, занимают исследования деятельности женщин-путешественниц (по преимуществу викторианских), объединившие в себе проблемы культурной репрезентации и гендерной истории. Фокус на текстах англичанок викторианского периода неслучаен: многочисленность женщин, путешествовавших за пределами Англии в это время, представляет собой значительный контраст с устоявшимся образом викторианской эпохи с ее строгим кодом поведенческих норм и культивируемым разграничением сфер деятельности женщин и мужчин. Особенно зримо этот контраст воплощен в фигурах путешественниц, передвигавшихся по территориям Британской империи – символически мужскому пространству, традиционному полю социальной активности мужчин, исследователей и искателей приключений, противопоставлявших свою мужественность опасностям неизвестных земель. Существовавшая параллель между географическим исследованием – покорением территории – и сексуальным завоеванием делала опыт женского пребывания на имперских землях, а тем более трансляцию этого опыта в область публичного – в форме книг о путешествиях, – весьма проблематичным.

Тема женских путешествий разрабатывается в западной литературе начиная с XIX века. Традиционно в центре внимания авторов находились наиболее известные путешественницы своего времени – Мэри Кингзли, Изабелла Берд,

Марианна Норт и др., для которых путешествие превратилось в образ жизни. Появление на протяжении XX века все новых биографий одних и тех же «профессиональных путешественниц», где непременно подчеркивалась их непохожесть на других женщин своего времени, привело к тому, что за путешественницами закрепился стереотип эксцентричных старых дев, бродивших по далеким от «цивилизации» местам с зонтом и в длинной юбке и движимых чистым любопытством¹.

В 80-е гг. XX в. в связи с обострившимся интересом к женской истории и стремлением реконструировать историю женщин викторианского периода число работ о путешественницах резко возросло. Акценты сместились в довольно предсказуемом направлении: теперь путешественниц нередко показывали как протофеминисток, боровшихся против гендерных ограничений викторианской морали. Путешествия описывались как некий абстрактный акт, имеющий ценность лишь постольку, поскольку он предоставлял женщинам возможность самовыражения и протеста против устоявшихся поведенческих норм. Позитивный и прогрессивный облик путешественниц дополняли сведения о неприятии ими колониализма, о более гуманном отношении к туземному населению и т.п.²

В последние годы в изучении деятельности путешественниц произошел значительный сдвиг. Оформление концепций «ориентализма» Э. Саида и постколониализма, построенных на отходе от буквального толкования текстов путешественников как отображающих объективную реальность увиденного, позволило взглянуть на литературу путешествий под иным углом. В центре внимания исследователей оказались проблемы конструирования знания о неевропейском мире как способе утверждения власти над ним. Комплексное производство «воображаемых географий» (термин Саида), т.е. образов неевропейских территорий и народов признавалось фундаментальным для имперского дискурса, а роль путешественников в его формировании – важнейшей. На этой волне появился целый ряд работ о женщинах-путешественницах, целью которых стало не только дополнить построения теоретиков сведениями об опыте женщин (оформление теории происходило на материале мужских текстов), но и осмыслить специфику женских колониальных текстов и их место в колониальном дискурсе. Исследовательницы Б. Мелман, Р. Льюис, С. Миллз, Ч. МакЮэн и др. поднимают вопросы о том, находились ли женские тексты полностью под влиянием патриархальной идеологии или утверждали иное видение «другого», отличное от доминирующего; было ли мнение женщин-путешественниц единым, обусловленным их общим маргинальным положением в европейской культуре, или различалось; какое влияние на текст травелогов оказывали, помимо давления канонов жанра, колониального и фемининного дискурсов, такие факторы, как колониальная ситуация и индивидуальные особенности автора, ее принадлежность к определенной социальной среде и др.; в какой мере путеше-

ствия по территориям империи были для женщин способом обретения властных позиций и т.д.³

Центральной проблемой, вокруг которой в настоящее время сосредоточены дискуссии о путешественницах, являются различия между женщинами и мужчинами в способах действий на колониальных территориях и практиках репрезентации «другого» для европейской публики. Условно исследователей можно разделить на две группы: одни авторы считают, что критического различия не существует; общность черт поведения, а также сходство в восприятии других народов обусловлены общностью культуры, расы, положения в неевропейском регионе – в этих условиях гендерные различия отступают на второй план⁴. Другие утверждают, что фактор пола имел решающее значение; по их мнению, женская литература путешествий существенно отличалась от мужской. В качестве доказательств приводятся, например, следующие факты: женщины избегали участвовать в политических или научных дебатах, описывая вместо этого пейзажи, людей и их обычаи; они часто писали о туземных женщинах и других группах населения, обычно игнорируемых путешественниками-мужчинами; они с большей симпатией, сочувствием, чем мужчины, описывали туземцев, больше концентрировались на деталях, высказывали постоянную озабоченность собственным внешним видом⁵ (хрестоматийным стало высказывание Мэри Кингсли о постоянной нехватке в путешествиях по Западной Африке булавок и шпилек для волос⁶) и т.д.

Анализируя эти различия, исследовательница С. Миллз создала концепцию, представляющую собой синтез теории колониального дискурса, идей Фуко и феминистских теорий. Она полагает, что разница женских и мужских текстов объясняется не какими-либо фундаментальными особенностями, присущими каждому из полов, а давлением гендерного дискурса, заставлявшего женщин подчеркивать собственную уязвимость и эмоциональность, выбирать нейтральные предметы для описания. Положение путешественниц было тем сложнее, что им приходилось действовать в символически мужском пространстве – империи, дискурс которого конституировался в терминах превосходства, подчинения, завоевания, применения силы, что категорически противоречило дискурсу женственности викторианского периода. Необходимость примирить свой статус как женщин с положением представительниц «высшей расы» на территориях империи обуславливала противоречивость их текстов и их отличие от текстов, написанных мужчинами⁷.

Вопрос о различиях текстов, обусловленных фактором пола, остается, однако, весьма проблематичным. Показательным является тот факт, что даже в одном сборнике статей под одной обложкой могут соседствовать два эссе, авторы которых утверждают прямо противоположное. Так, в издании *Женщины Запада и империализм: сопротивление и соучастие* С. Блэйк, сравнивая книги женщин и мужчин-путешественников, настаивает на том, что женская литера-

тура путешествий существенно отличается от мужской, в ней больше самокритики и иронии, значительно меньше расизма⁸, в то время как М. Хатем, исследуя представления друг о друге у европейских и египетских женщин, делает следующий вывод: «Образы, которые европейские и египетские женщины создавали друг о друге и сами о себе, не отличались от тех, что производились их доминирующими культурами»⁹. Впрочем, разногласия такого рода неудивительны, принимая во внимание относительно недавнее обращение к данному предмету в исторической науке. Этот и другие вопросы еще ждут разрешения; возможно, дальнейшие исследования данной проблематики с привлечением нового круга источников позволят в той или иной мере ответить на них.

¹ W.G. Blaikie, «Lady Travellers», *Blackwood's Magazine*, 1896, vol. 160, July, pp. 49-66; William H.D. Adams, *Celebrated Women Travellers of the Nineteenth Century* (London: W. Swan Sonnenschein and Co., 1883); Toulmin L. Smith, «Celebrated Lady Travellers: Mary H. Kingsley», *Good Words*, 1901, vol. 42, pp. 120-125; M.E. Tabor, *Pioneer Women. Third Series: Mrs. Sherwood, Isabella Bird, Mary Kingsley, Gertrude Bell* (London: Sheldon Press, 1930); E. Garnett, *The True Book about Heroines of Adventure* (London: [s.n.], 1955) и др.

² D. Middleton, *Victorian Lady Travellers* (London: Routledge & Kegan Paul, 1965); C.B. Stevenson, *Victorian Women Travel Writers in Africa* (Boston: Twayne, 1982); M. Russell, *The Blessings of a Good Thick Skirt: Women Travellers and Their World* (London: Collins, 1986); A. Allen, *Travelling Ladies: Victorian Adventuresses* (London: Jupiter, 1980).

³ B. Melman, *Women's Orients: English Women and the Middle East, 1718-1918: Sexuality, Religion and Work* (Basingstoke: Macmillan, 1992); R. Lewis, *Gendering Orientalism: Race, Femininity and Representation* (London: Routledge 1996); S. Mills, *Discourses of Difference. An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism* (London and New York: Routledge, 1991); Ch. McEwan, *Gender, Geography and Empire. Victorian Women Travellers in West Africa* (Aldershot: Ashgate, 2000).

⁴ E. Mitsi, «Roving Englishwomen in Greece: Gendering Travel Writing», <http://www.women.it/quarta/workshops/writing1/afterpimitsi.htm>; W. Beinart, «Men, Science, Travel and Nature in the Eighteenth and Nineteenth-century Cape», *Journal of Southern African Studies*, 1998, vol. 24, №4, pp. 775-799 и др.

⁵ P. Romero, *Women's Voices on Africa: a Century of Travel Writings* (Princeton: Wiener, 1992); J. Robinson, *Unsuitable for Ladies: an Anthology of Women Travellers* (Oxford: Oxford University Press, 1994); M. Strobel, *Gender, Sex and Empire* (Washington: American Historical Association, 1993) и др.

⁶ M. Kingsley, *Travels in West Africa. Congo Francais, Corisco and Cameroon* (London: Macmillan, 1897), p.6.

⁷ S. Mills, *ibid.*

⁸ S.A. Blake, «Woman's Trek: What Differences Does Gender Make?», in N. Chaudhuri and M. Strobel, eds., *Western Women and Imperialism: Complicity and Resistance* (Bloomington and Indianapolis: Indiana UP, 1992), p. 32.

⁹ M. Hatem, «Through Each Other's Eyes: the Impact on the Colonial Encounter of the Images of Egyptian, Levantine-Egyptian, and European Women, 1862–1920», in *Western Women and Imperialism*, p. 55.

Ирина Дерябина. *Проституция и сексуальность в викторианской Англии: обзор литературы.*

J. R. Walkowitz, *City of Dreadful Delight: Narratives on Sexual Danger in Late-Victorian London* (Chicago, 1992), 353 p.; «The Making of an Outcast Group», in Martha Vicinus, ed., *A Widening Sphere* (Bloomington and London, 1977), pp. 72-93; *Prostitution and Victorian Society* (New York, 1980), 347 p.

F. Mort, *Dangerous Sexualities: Medico-moral Politics in England since 1830* (London and New York, 1987), 280 p.

L. Nead, *Myths of Sexuality* (Oxford, 1988), 289 p.

P. Bartley, *Prostitution: Prevention and Reform in England, 1860-1914* (London and New York, 2000), 229 p.

L. A. Jackson, *Child Sexual Abuse in Victorian England* (London and New York, 2000), 209 p.

Для Англии осознание того, что такое «викторианство» и кто такие «викторианцы», всегда было соизмеримо с драматическим поиском и пониманием своей собственной идентичности, особенно в сфере морали и, если быть еще конкретней – в сфере своей сексуальности. Именно поэтому «викторианцам» отводится центральное место во всех дискуссиях и дебатах, призванных идентифицировать также и современную сексуальность.

Первоначальные исследовательские попытки описать сферу викторианской сексуальности обращали специальное внимание на доминирующую роль морали в интерпретации сексуальности в этот период; отсюда сексуальность интерпретировалась в терминах «подавления», «отрицания», «уклонения» и «запрета». Это убеждение было настолько сильно, что само прилагательное «вик-

торианский» стало синонимом термина «пуританский» (или «подавляемый»). В этом смысле переломным моментом для всех последующих интерпретаций викторианства стали работы Мишеля Фуко, который, как известно, понимает сексуальность не как продукт «неизменной биологической реальности или универсальной природной силы, но скорее как продукт политического, социального, экономического развития», утверждая, что сексуальность имеет свою историю и что история сексуальности «должна писаться, прежде всего, с точки зрения истории дискурсов»¹.

Понятие «сексуальность» в викторианскую эпоху распалось на две категории – «нормальная» (не противоречащая общепринятым нормам морали) и «опасная» (девиантная) сексуальность. Носителями «опасной» сексуальности в викторианский период были признаны проститутки, которые и стали объектом особого контроля государства и общественности. Регуляция проституции стала доминирующей чертой викторианских социальной и политических практик, а проститутка – объектом особого расследования; можно сказать, в XIX столетии шел процесс формирования понятия «проституция», который осуществлялся через различные социальные практики, законодательные и медицинские дискурсы, через религию и разнообразные формы культуры.

Поэтому не случайно тема проституции в викторианском обществе привлекла внимание современных специалистов по истории Англии XIX века – в частности, Дж. Волковитс², Ф. Морта³, Л. Нид⁴, П. Бартли⁵, Л.А. Джексона⁶.

Начнем с исследований сексуальности в терминах медицинского дискурса, который особенно подробно исследуется в работе Линды Нид⁷. Нид связывает сексуальность с имперским дискурсом, для которого мораль была центральным компонентом идеологии империи⁸. Доминирование на международной арене было напрямую связано с внутренней социальной стабильностью, в основе которой лежало понятие о моральной чистоте; поэтому аморальность не только угрожала классовой стабильности, но и ставила под сомнение национальную и имперскую безопасность. Женщинам отводилась центральная роль в формировании общественной морали, которая понималась как экстраполяция индивидуальной (домашней морали) на общественную. Такая установка напрямую выводит нас к медицинскому дискурсу, введшему понятие «женского здоровья». Упадок империи вызывал особую тревогу, и в этом контексте опасность аморальности и болезни была сфокусирована на особой девиантной форме сексуальности, а именно, проституции.

Принимаемые и не принимаемые формы сексуального поведения становятся ключевым звеном в разработке таких понятий, как «сексуальное наказание» и «медико-моральная политика». В этой связи особого внимания заслуживает концепция Ф. Морта⁹. В своей работе Морт пытается проследить представления о здоровье и болезни, связанные с понятиями о «моральном» и «аморальном» сексе. Концентрируясь на специфическом пересечении понятий о здо-

ровые и морали, Морт показывает, как медико-моральные системы знания и власти формируют систему надзора за сексуальностью, которая постепенно подчиняет себе сферы наслаждений и желаний.

Линда Нид рассматривает процесс детерминации проституции сквозь призму различных представлений – официальных, общественных и частных. В результате появляется возможность выделить два доминирующих образа проституции: первый определяет проститутку как символ социального беспорядка и разрушения, второй – как пассивную жертву жестокого общества. Несмотря на различия в обозначенных трактовках, оба этих образа детерминируют, по мнению автора, проституцию как форму девиантного поведения, требующую быть отделенной от уважаемого общества посредством закона и культурно-визуальных дефиниций¹⁰. Нид исследует пути, по которым циркулируют эти образы, а также то, каким образом они создают новое определение женственности и женской сексуальности. В фокусе ее исследования – «визуальный язык» проституции и его отношение с нарративными формами репрезентации этого явления.

В свою очередь, П. Бартли¹¹, пытаясь проследить механизм, по которому проститутки пытаются выделить в особую группу внутри викторианского общества, приходит к выводу, что в конце XIX века проституция стала ассоциироваться со слабоумием. Именно эта характеристика дает возможность рассматривать проституцию как форму нравственной болезни общества, а проститутку – как носителя болезни на физиологическом уровне. Бартли связывает такую трансформацию в восприятии проституции с общим пересмотром отношений к заботе об умственно отсталых, с развитием евгеники и пересмотром всей системы благотворительной работы внутри викторианского общества.

В отличие от Нид и Бартли, Джудит Волковитс¹² связывает процесс выведения проститутки в особую группу общества с развитием уголовного законодательства: именно уголовное законодательство, призванное предотвратить распространение венерических болезней¹³, способствовало, по ее мнению, формированию новой идентичности среди проститутки, основа которой – социальная изоляция. Дж. Волковитс¹⁴ концентрирует свое внимание на поздневикторианском Лондоне, наводненном нарративами о «сексуальной опасности» (самыми обсуждаемыми из которых становятся разоблачение детской проституции на страницах *The Pall Mall Gazette* в 1885 году и легенды о Джеке Потрошителе). Исследуя эти нарративы, Волковитс показывает, как они отражают сложные взаимоотношения власти, политики и сексуальности и как влияют на язык политики, журналистики и литературы. Автор рассматривает Лондон как неоднородную, многоуровневую сцену, где в конце XIX века формируются основы «феминистской сексуальной политики» и продуцируются нарративы о «сексуальной опасности».

Ф. Морт выдвигает тезис о том, что правительство едва ли можно назвать инициатором криминализации аморального поведения¹⁵. Напротив, сексуальная политика разрабатывалась на уровне популистских и феминистских движений, которые оперировали новым дискурсом о сексе. Возможность «говорения» дала женщинам свободу в определении собственно женской сексуальной идентичности¹⁶. Более того, женщины приходят к переосмыслению мужской сексуальности, пытаясь и ее вывести в общеобсуждаемый дискурс. При этом именно такое «говорение» вовлекает женщин в режимы социального контроля. Таким образом, уголовное законодательство становится отражением ожиданий общественности.

Бартли¹⁷ также обращается к изучению проституции в свете ее реформирования и предотвращения, исследуя учреждения, имеющие своей целью сделать из бывших проституток «добродетельных женщин». Используя категории гендера, класса и религии, Бартли показывает, что в промежуток между 1880-1914 годами ответственность за распространение проституции кладется на плечи мужчин и их сексуальное поведение: постулируется тезис, что проституция может быть уничтожена, если мужчины возьмут на себя ответственность за свое поведение¹⁸.

В этом контексте особое место занимает вопрос о детской сексуальности, который рассматривался в свете проблемы детской проституции и плохого обращения с детьми. К. Дженкс высказал тезис о том, что детство – «не физиологический (природный) феномен... это социальный конструкт»¹⁹. В этом свете очень важно определить, когда ребенок становится взрослым, ибо эта дискуссия напрямую выводит нас к проблеме отношений сексуального характера между детьми и взрослыми и ставит вопрос об ответственности (*age of consent legislation*). В этой связи «age of consent legislation» – в фокусе особой дискуссии, где наиболее остро обсуждаемыми являются вопросы о том, когда девушка становится женщиной, в чем разница между девочкой и женщиной, что является показателем трансформации ребенка во взрослого. Ответы на эти вопросы обсуждаются как в парламенте, так и в прессе в терминах физического, социального и морального развития ребенка²⁰. Здесь надо заметить, что именно викторианская эпоха открывает понятие юности (*adolescence*) как переходного периода между детством и взрослой жизнью²¹.

Изучение сексуальности как исторической категории и проституции как одной из форм сексуальных практик в целом предлагает неопценимые, на наш взгляд, возможности для рассмотрения и обсуждения многих смежных тематик и использования альтернативных методологий в гендерных исследованиях.

¹ Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания власти и сексуальности. Работы разных лет* (М., 1996), с. 170.

² J. R. Walkowitz, *City of Dreadful Delight: Narratives on Sexual Danger in Late-Victorian London* (Chicago, 1992); «The Making of an Outcast Group», in M. Vicinus, ed.,

A Widening Sphere (Bloomington and London, 1977), pp. 72-93; *Prostitution and Victorian Society* (New York, 1980).

³ F. Mort, *Dangerous Sexualities: Medico-moral Politics in England since 1830* (London and New York, 1987).

⁴ L. Nead, *Myths of Sexuality* (Oxford, 1988).

⁵ P. Bartley, *Prostitution: Prevention and Reform in England, 1860 -1914* (London and New York, 2000).

⁶ L. A. Jackson, *Child Sexual Abuse in Victorian England* (London and New York, 2000).

⁷ L. Nead, *ibid.*

⁸ *Ibid.*, pp. 91-92.

⁹ F. Mort, *ibid.*

¹⁰ L. Nead, *ibid.*, pp. 106-107.

¹¹ P. Bartley, *ibid.*

¹² J. R. Walkowitz, «The Making of an Outcast Group», in M. Vicinus, ed., *A Widening Sphere* (Bloomington and London, 1977), pp. 72-93; *Prostitution and Victorian Society* (New York, 1980).

¹³ Contagious Diseases Acts 1864, 1866, 1869.

¹⁴ J. R. Walkowitz, *City of Dreadful Delight: Narratives on Sexual Danger in Late-Victorian London* (Chicago, 1992).

¹⁵ F. Mort, *ibid.*, p. 109.

¹⁶ *Ibid.*, p. 116.

¹⁷ P. Bartley, *ibid.*

¹⁸ *Ibid.*, pp. 17-18.

¹⁹ C. Jeks, *Childhood* (London, 1996), p. 7.

²⁰ L. A. Jackson, *ibid.*, p. 17.

²¹ B. F. Smith, «Sexuality in Britain, 1800-1900», in M. Vicinus, ed., *A Widening Sphere* (Bloomington and London, 1977), p. 196.

Боцман Я., Лебедев В. *Объёмная необъятное: наблюдения сочувствующего читателя*

History of Women in the West, vol. 1-5, in Georges Duby and Michelle Perrot, general eds., (Cambridge, Massachusetts, London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 1997).

В написании рецензий на пятитомник, подобный *History of Women in the West*, всегда есть свой драматизм, родственный драматизму написания рецензий на фундаментальные энциклопедии. Временами рецензент представляется самому себе последним спартанцем царя Леонида, стоящим с мечом наголо перед лицом многочисленного вражеского войска, поскольку совершенно ясно: пытаться дать объективную оценку проекта, над созданием которого трудились десятки специалистов (при том, как правило, лучших в своей области), так же трудно, как выиграть сражение в одиночку. И тем не менее, такая оценка, даже если краткая и предварительная, необходима, поскольку в многотомном энциклопедическом море тоже следует ориентироваться.

Над «Историей женщины» работал огромный творческий коллектив – коллектив из семидесяти пяти ученых, большинство из которых – историки. Некоторые из них – очень известны, другие известны «в узких кругах». Достаточно сказать, что среди авторов и редакторов – Жорж Дюби, Мишель Перро, Натали Земон-Девис, Арлетт Фардж, Филипп Арьез, Франсуаз Тебо, Криста Вульф, Паулин Шмитт Пантель, Клаудиа Опитц, Джоанн Валлах Скотт, Алин Руссель и другие «звезды» академического жанра. Пожалуй, трудно вспомнить феминистски ориентированный проект, где аналогичная «звездная величина» сочеталась бы с таким же крупным объемом издания и с такой же широтой (и темпоральной, и пространственной) заявленной темы.

В силу специфики проекта – каждый из томов посвящен одной исторической эпохе (например, первый – античности, второй – средневековью, третий – возрождению и просвещению etc.) – не удивительно, что под каждой обложкой мы наблюдаем полифонию очерков, написанных антиковедами, политологами, медиевистами, теоретиками гендера, специалистами по истории искусства и культурологами (чтобы ощутить, насколько многообразен спектр профессиональных интересов, нелишне пролистать «Сведения об авторах», которые даны в конце пятого тома). Такая же полифония царит и в идеологии томов – прикрывшись общей темой, авторы охотно дискутируют друг с другом на страницах своих разделов, что, впрочем, на ощущении концептуального единства проекта почти не сказывается. Более того, «История женщины» сделана настолько добротной, что временами создается впечатление, что «женским исследованиям», внесшим тему женского в гуманитарные науки, не сорок лет, а сорок – настолько квалифицировано проведен анализ темы и настолько обширно референтное поле очерков и статей.

Основная цель этого издания – помимо, собственно, очевидной просвещенческой – состоит в том, чтобы вывести женщину из маргиналий истории в ее центр, чтобы осветить новым светом проблемы женского – женского тела, женских ролей, женских способов самовыражения и т.п. Сделать это непросто – по крайней мере, одной работой в архивах здесь ограничиться не получится (поскольку архив, как известно, один из бастионов европейского фаллоцентризма); вот почему авторам пришлось залучать в работу разнообразный и временами парадоксальный материал – например, в пятитомнике анализируется и характер надписей на надгробных плитах, или высчитывается частотность употребления женских имен в хрониках, или рассматриваются через увеличительное стекло осколки античных ваз, многие из которых на поверку оказываются ночными горшками; при этом авторы обращаются к социологическим и политэкономическим выкладкам; от их внимания не ускользают даже самые мало-значительные женские фигурки с полей средневековых манускриптов – здесь женщина вышивает, здесь лепит из глины, а здесь – пишет стихи. Исследования исторических маргиналий производятся с величайшей любовью к детали, и это, безусловно, окупается – особенно этим отличается второй том, посвященный Средневековью.

Отдельные главы, которые, как уже отмечалось, писались разными авторами, связаны друг с другом сотнями неброских, но явственно ощущаемых смысловых нитей. Авторы, словно хитроумная система зеркал, по-разному преломляют луч женской темы, попутно окрашивая его в разные исторические цвета и изменяя, в угоду интриге, его интенсивность. Так, «античный» том начинается с программного вступления, написанного Натали Земон-Девис и Джоанн Валлах Скотт, посвященного обоснованию новой парадигмы рассмотрения истории, в которой женщина и вопросы гендера являются центральными дискурсивными осями. Жорж Дюби и Мишель Перро остроумно развивают эту же тему, рассказывая о проблематике женской истории как отрасли знания, Паулин Шмитт Пантель раскрывает перед читателем специфику репрезентации женщины, развивая тему как в общетеоретическом, так и в практическом ключе.

Вторая часть «античного» тома посвящена различным моделям фемининности. Здесь Николь Лоро рассматривает функции и атрибуты античной богини, Гилья Сисса исследует тему пола в философии Платона и Аристотеля, на долгие века задавших горизонты рассмотрения темы женского в самых разных сферах человеческой культуры, Ян Томас инспектирует римское законодательство с тем, чтобы выявить характер структур социального и гендерного неравенства, характерных для зрелой римской культуры. В третьей части тома авторы обращаются к традиционным для античности ритуалам – браку (Клодин Ледюк), практикам инициации и практикам нуминозного, к теме женского жречества (Луиз Зайдман), а также к телесным практикам (деторождение, сексуальность) и женским технологиям заботы о своем теле и о телах других. Джон

Шейд представляет подробный экскурс в эволюцию роли женщины в религиозной жизни античного мира, а Моника Александр, продолжая тему, описывает еще одну ступень этой эволюции: превращение языческой женщины в женщину раннехристианскую. Том завершают разделы, написанные Стеллой Георгоуди и Паулиной Шмитт Пантель, посвященные чрезвычайно популярному в современной европейской культуре мифу о матриархате, а также проблеме интерпретации женского в современной исторической науке, где гендерная перспектива лишь недавно получила признание.

Следует отметить – не только применительно к первому, но и к другим томам – богатый и оригинальный иллюстративный ряд проекта. Здесь практически отсутствуют тривиальные, набившие оскомину имиджи, кочующие из одной популярной книги в другую (в этом ряду и вездесущая Афродита Каллипига, и советский плакат времен Второй мировой войны «Родина-мать зовет», и портрет Эмили Дикинсон), хотя количество иллюстраций в «Истории» приближается к двум сотням. Фрагменты античных ваз и почтовые открытки, капители соборных колонн и иллюстрированные буквицы из манускриптов – все они говорят о женщинах языком своих эпох, понять которые без вдумчивого и всестороннего исторического анализа невозможно.

Следует особенно выделить последний том, посвященный женщине в истории двадцатого века.

Если предыдущие тома, несмотря на многообразие применяемых методологий, все же тяготеют к историческому жанру, то жанр последнего тома можно было бы скорее описать как «очерки по теории истории и культурным практикам». В этом томе теория гендера, концепции половых различий, теории письма и современная политология сплетаются в достаточно причудливый конгломерат мыслей, который, впрочем, не производит впечатления рыхлого или плохо структурированного, хотя и впечатление «сугубо историчного» или «весьма гармоничного» он не производит тоже. Названия отдельных очерков в этом отношении достаточно показательны – «Великая война и триумф сексуального разделения» (Франсуаз Тебо), «Современная женщина» в 1920-х. Американский стиль» (Нэнси Котт), «Как Муссолини управлял итальянскими женщинами» (Виктория ди Грация), «Гендерные политики нацизма и история женщин» (Гизелла Бок), «Философские различия» (Франсуаз Коллин), «Амбивалентный образ женщины в массовой культуре» (Луиза Пассерини), «Репродукция и биоэтика» (Жаклин Коста-Ласку), «Квебек: от фемининности к феминизму» (Иоланде Коэн).

Очевидно, что последний том «Истории» предпринимает попытку не то чтобы совсем покончить с традиционным историческим академизмом (под флагом которого написаны предыдущие тома), но, по крайней мере, потеснить его, предоставив трибуну живым, экспрессивным женским голосам. Разумеется, не хотелось бы причислять это обстоятельство к недостаткам проекта, однако несомненно – пятый том несколько шокирует читателя, уже успевшего при-

выкнуть к уютному рокоту речей профессоров-историков, из музеефицированного, уютного мирка которых он вдруг попадает в бурлящий теоретическими, политическими и художественными страстями мир современного женского движения. К сожалению, именно в пятом томе явственно прослеживается печальная тенденция многих феминистских культуроведческих работ – «мужчина» в ней превращается в некий «дискурсивный придаток» женщины, а «мужская культура» редуцируется до всего лишь оппозиционной к культуре «женской» и как «дополнительная» ей, в общем-то, не рассматривается. Что ж, достаточно печально видеть, как авторы-феминистки наступают на хорошо известные грабли стратегии исключения (в данном случае в роли «исключенной» выступает маскулинность).

Множества добрых слов заслуживает и тщательно выполненный, богатый аппарат книги. В конце каждого тома помещен предметный указатель, в конце пятого – сведения об авторах, полная библиография по томам, список иллюстраций, словом, все то, что делает книгу полезной для исследовательской работы. И, безусловно, остается лишь пожалеть, что издание, подобное рецензируемому, на русском языке еще не появилось.

Виктория Суковатая. Раса, нация и сексуальность как ценности гражданского общества: взгляд из Украины.

Collins Patricia Hill. Black Feminist Thought. Knowledge, Consciousness And the Politics of Empowerment. Second Edition – Routledge, New York and London, 2000 – 334 p.

Патрисия Коллинз – известная американская исследовательница, чьи статьи я не однажды читала в толстых антологиях, посвящённых современному женскому (в основном, чёрному) движению и его репрезентациям в культуре. Настоящая монография представляет хорошо изданный том, включающий три раздела: «Социальные конструкции чёрной феминистской мысли», «Основные вопросы черной феминистской философии» и «Чёрный феминизм, знание и власть». Первая часть представляет собой экскурс в историю формирования «чёрного феминизма» – как философии (со своим категориальным аппаратом) и как женского движения за эмансипацию афроамериканок, которое имеет специфические цели, отличающие его от эмансипаторных движений белых американских женщин и либеральных антирасистских, ставящих на первый план интересы (черной) расы, а не (черной) женской субъективности.

Вторая глава содержит следующие темы-разделы: «работа, семья и угнетение чёрных женщин», «мамочки, матриархат и другие контролирующие образы», «сексуальные политики черных женщин», «любовные отношения», «чер-

ные женщины и материнство», «осмысливая черный женский активизм». Как видно из простого перечисления, в работе Коллинз (написанной ясным, доступным и при этом достаточно образным языком), рассмотрены практически все аспекты конструирования «черноты» и «черных политик» в обществе. Ибо, согласно утверждениям ряда исследователей, «чернота» не является ни онтологически, ни эссенциалистски данной «сущностью»: «раса – это не цвет кожи, это проблемная ситуация» (см. работы Grey Herman, Radhika Mohanram, France Fanon, Homi Bhabha, Jordan Winthrop, bell hooks и др.).

Третья глава касается вопросов черного американского феминизма в транснациональном контексте; черной феминистской эпистемологии и разрешения черной философии играть роль «языка социальной справедливости» в установлении «истины демократии» в Америке.

Книга получила самые восторженные отзывы американской критики: «писательница совершила невозможное, скомбинировав феминистскую теорию с животрепещущими вопросами практики», «автор использует устные рассказы, интервью, музыку, поэзию, художественную литературу, предлагая читателю великолепно богатый материал из истории черных женщин и формирования их идентичности в Америке» (журнал «Signs»); «публикация Коллинз поднимает черную феминистскую мысль на качественно новый уровень» (журнал «Women's Review of Books»), «книга Коллинз должна быть в каждой феминистской библиотеке» (писательница Розмари Тонг) и др. Что касается моего – читательского и исследовательского – восприятия, то это действительно глубокая и добротная книга, написанная на обширном фактическом и теоретическом материале.

Книга адресована в первую очередь американской аудитории; во вторую очередь – специалистам, чьи интересы в той или иной мере лежат в области феминизма, женских исследований, американской и антирасистской философии; книга, безусловно, полезна собственно носительницам черной идентичности, которые благодаря этой книге получают возможность отрефлексировать свой опыт «черноты», сделать его не только «осязаемым», но и «осознаваемым».

Какой интерес настоящее издание может представлять для украинской (феминистской, женской и массовой) аудитории? Или ещё шире – для постсоветских обществ, строящих демократию и публичный дискурс «говорения о» демократии? На мой взгляд, внимательное чтение книги Коллинз позволяет провести одну простую и важную параллель, а именно: проблемы бывших советских республик после обретения независимости западные исследователи соотносят с проблемами новых государств в Азии и Африке сорокалетней давности и потому маркируют их как «постколониальные»; если в этой параллели между африканскими и постсоветскими странами слово «раса» (черная) заменить на слово «нация» (любая из наций, ставших самостоятельными после 1991 года), то немедленно актуализируется весь антиколониальный пафос книги –

для Украины (или Белоруссии? России? Молдавии? Таджикистана?). Например, в главе, посвящённой сексуальным злоупотреблениям над черными женщинами, Коллинз пишет о том, что традиционные расовые и патриархатные политики совпадают в своем отказе снять «табу» на обсуждение половой жизни чернокожих женщин. Общественный заговор молчания вокруг черной сексуальности, который не решаются нарушить сами черные женщины и жертвы домогательств, обусловлен тем, что «расовая этика» заставляет женщин ставить свои, женские нужды на второе место после нужд расы. А это означает, что женщина не должна говорить о так называемых «семейных тайнах расы», обычных в культурной практике черных – насилии, инцесте, клиторектомии, мизогинии, домашнем угнетении, лесбийстве, так как их публичное обсуждение может «повредить» имиджу черных мужчин и расе в целом. Так, раздираемая лояльностью, требуемой по отношению к своей расе, и нуждами своего пола черная женщина традиционно сохраняла верность расе, жертвуя своей женской сексуальной сущностью. При этом отношения внутри расы-нации никогда не бывают эквивалентны: образцом расовой (национальной) солидарности принято считать безусловную поддержку женщинами «мужских», «расовых» («национальных») интересов, однако эта поддержка не распространяется в обратном направлении: мужчины не оказывают поддержки женщинам своей расы или нации в защите или утверждении специфических женских нужд и интересов. Данная проблема актуальна для Украины: ставя украинскую женщину в ситуацию выбора «между нацией и полом», её заставляют делать выбор в пользу «нации», артикулируя коллективные, «национальные» проблемы как «первоочерёдные» и «доминирующие» над «половым», т.е. специфически женскими. Однако нация состоит из людей, мужчин и женщин, и если женщин призывают жертвовать специфически «женскими» интересами ради «национальных», то фактически, вычеркнув из конструкта «нации» женское, мы получим «мужское», и женщине снова-таки навязывают самовиктимизирующую роль не ради мифической «нации», а ради совершенно конкретных мужчин, стоящих у власти и укрепляющих свои позиции в экономике и политике посредством национальной риторики. Таким образом, личные интересы «мужских кланов» и социальных групп, находящихся у власти, выдаются за общие интересы нации и национальные идеалы.

Вербальная, экономическая, физическая или социальная дискриминация черных женщин по признаку пола, пишет Коллинз, является частью институализированного расизма и государственной политики в США. В Украине, в системе огосударствленного патриархата как «выражения национального духа», навязывание украинской женщине исключительно «детопроизводящих» функций, а также роли хранительницы «чистоты нации» является аналогичным проявлением дискриминации и ресурсом укрепления власти. Власть присваивает себе право контроля над женской сексуальностью, в результате чего в России,

например, активизируется «антиабортное» движение, в частности, деятельность одной из мизогинических клерикально-консервативных организаций «Prolife». Лишая женщину экономических и социальных гарантий успешного материнства и при этом делегируя исключительно женщине ответственность за «генофонд нации», власть (государство) тем самым снова виктимизирует женщину – как в моральном, общесимволическом смысле, так и материально, на уровне качества индивидуальной жизни. В общественном дискурсе явно и неявно формируется предубеждение против «извращённой» сексуальности лесбиянок и др., а также женщин, по различным причинам не имеющих детей, как к «оппортунистам» нации, нарушающим свой «долг воспроизводства» перед нацией. Страх перед незамужними женщинами и обвинения их в «чрезмерной» сексуальности или даже «порочности» – того же толка: он обусловлен точкой зрения, что «женское» сводится исключительно к половым органам, которые нуждаются в «мужском» контроле.

Вместе с тем, история последнего столетия подтверждает, что идеологии расизма, мизогинии, антисемитизма и гомофобии имеют общую природу, что политическая реакция обычно начинается с общественной истерии за «моральную чистоту нации!», запретов на аборт, однополую любовь, усиления патриархатных, антисемитских и ксенофобских настроений, патриотически-милитаристской пропаганды и требований подчинить частную жизнь коллективным интересам. Однако понятие «патриотизма» неэквивалентно «национализму», а интересы «нации» не равны интересам «государства». Западная либеральная философия постулирует «разнообразие» в качестве ценности гражданского общества. И потребность в легализации «разнообразия» культурных практик и общественных дискурсов стоит достаточно остро в «постсоветских», «посттоталитарных», «постколониальных» государствах: положение «белых» украинских женщин в Украине в отдельных ситуациях напоминает положение черных женщин в США. По словам Коллинз, обладая привилегиями американского гражданства, афроамериканки, тем не менее, являются «второсортными» гражданами, по степени своего влияния и артикулированности в культуре занимая место после «белых мужчин», «белых женщин» и «черных мужчин». В дискурсе украинских социальных наук и политической прессы иерархия ценностей гражданского общества пока не сформирована. Однако, если следовать логике монографии Коллинз, то интересно проанализировать, какое место занимают «белые украинские женщины» в иерархии общественных ценностей в Украине? После лозунгов и дискурсов «нации», «пересмотра норм грамматики», «возвращения к традициям предков», «укрепления государственности», «гибкого налогообложения», «возрождения козачества», «молодёжного парламента», «вхождения в евросоюз»..?

Ау, белые украинские женщины!..

Зоя Соловьева. *P. Bourdieu, Masculine domination (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2001), 133 p.*

В «Мужском господстве» Пьер Бурдьё исследует, как воспроизводится режим мужского доминирования. Однако те, кто, ориентируясь на название, надеются наконец-то прочитать книгу про мужской пол, будут несколько разочарованы: она опять в основном про женский. Бурдьё в очередной раз возвращается к концепциям хабитуса, доксы и символического насилия, которые в данном случае используются для теоретического осмысления воспроизводства гендерного неравенства. В «Мужском господстве», как и в предыдущих своих теоретических работах («Основные принципы теории практики», 1977; «Практический смысл», 1980 и др.), Бурдьё также пытается объяснить то, что он называет парадоксом доксы – «тот факт, что порядок мира, как мы его знаем, <...> с его обязательствами и санкциями в основном соблюдается» (*Bourdieu, 2001: 1*). Основной для Бурдьё вопрос – почему этот порядок с его отношениями господства, привилегиями и неравенством (часто невыносимым) воспринимаются как нечто приемлемое и естественное. Мужское господство является для Бурдьё прекрасным примером этого парадоксального подчинения.

Автор рассматривает каждый из гендеров как продукт работы отличительной (диакритической) конструкции, теоретической и практической, которая необходима для того, чтобы произвести тело, социально отличное от противоположного гендера – например, мужское и поэтому неженское и наоборот. Оба гендера существуют только относительно друг друга, но это отношение асимметрично. Мужской гендер является немаркированным, в некотором смысле нейтральным, в противоположность женскому, который детально определен. Этот «негативный символический коэффициент» отрицательно влияет на все, что женщина делает. При всех равных, женщины всегда будут занимать менее выгодные позиции (*Bourdieu, 2001: 92*).

Бурдьё интересуется повторяющийся процесс воспроизводства гендерной иерархии. Этот процесс начинается со структуры, которая производит хабитус, производящий практики, которые, в свою очередь, воспроизводят структуру. В качестве структур воспроизводства мужского господства он определяет семью, церковь, систему образования и государство. Прочность этих «подсознательных структур» работает на производство устойчивого хабитуса. Девочки усваивают принципы господствующего видения в такой степени, что социальный порядок осознается ими как вполне естественный. Этот процесс приводит их к бессознательному отказу от определенных жизненных траекторий и практик и обращения к тем, которые, кажется, предназначены для них (с. 95). Этот повторяющийся процесс воспроизводства, пишет Бурдьё, находится «вне пределов сознательного контроля». Мужское господство, мягкое и незаметное, представляет собой форму символического насилия, конституирующего андроцентри-

ческий взгляд на мир. Устанавливается практический консенсус, в котором отношения господства легко увековечиваются. Только такая случайность, как феминистское движение, раскрывая глаза на принимаемый как должное мужской деспотизм, может помочь подчиненному женскому классу ослабить ограничения доксы. Но даже когда этот пузырь лопается, утверждает Бурдьё, инерция хабитуса продолжает сохранять доминирующие мужские модели семьи и сексуальности.

Доступ к среднему и высшему образованию изменил позицию женщины в системе разделения труда, однако разрыв между позициями мужчин и женщин на рынке труда продолжает воспроизводиться: женщинам всегда платят меньше, чем мужчинам; они менее защищены на рынке труда и чаще, чем мужчины, вынуждены соглашаться на неполную занятость, ограничивающую доступ к принятию решений. Способность женщин изменить существующий порядок обычно ограничена в том числе тем фактом, что они отделены как от мужчин, так и друг от друга (экономическими и культурными отличиями, которые препятствуют формированию коллективной идентичности против мужского господства) (*Bourdieu, 2001: 91-93*).

Частичная неопределенность некоторых объектов всегда оставляет место для борьбы за значение вещей, в частности, в сфере сексуальности. Это оставляет угнетенным возможность сопротивления, однако, в соответствии с Бурдьё, они предпочитают использовать «оружие слабых» (*Bourdieu, 2001: 32*). Примером этому может служить самопожертвование матери через полное посвящение себя семье, а также различные формы пассивности, в частности, в сексуальных отношениях. Эти стратегии представляются довольно неэффективными, потому что они по-прежнему исходят из андроцентрического взгляда на мир и формулируются в рамках доминирующего мужского дискурса.

Другая причина, по которой сопротивление неэффективно – та, что оно глубоко инкорпорировано. Тело полно императивов, которые ограничивают нашу способность сопротивляться. Более подробное описание этого процесса можно найти в «Практическом смысле»¹ (глава «Belief and the body»), где Бурдьё дает детальное описание взаимосвязи тела, хабитуса и доксы. Отношение к телу является фундаментальным измерением хабитуса, которое неотделимо от отношения к языку и времени (*Bourdieu, 1990: 72*). Тело не может быть сведено к «телесному образу» или «телесной концепции», потому что отношения господства-подчинения осуществляются большей частью на бессознательном уровне. Тело сконструировано как оператор, устанавливающий все виды практических связей между различными частями социального мира – разделение между полами, возрастными группами и социальными классами – или, точнее, между значениями и ценностями, ассоциирующимися с индивидами, занимающими практически эквивалентные позиции в пространствах, определенных этими разделениями (*Bourdieu, 1990: 71*). Казалось бы незначительные детали поведе-

ния и манеры становятся непреодолимым препятствием к разрушению существующего социального порядка. «Уважение к форме» и «формы уважения» являются наиболее видимым и наиболее «естественным» проявлением уважения к существующему порядку, а уступки вежливости всегда содержат политические уступки.

На наш взгляд, этнографические примеры являются слабым звеном аргумента книги, часто из-за их чрезмерной обобщенности. Во многих случаях непонятно о какой стране, временном периоде и социальном классе идет речь, когда автор рассуждает об отношениях гендерного неравенства дома и на рабочем месте. Изначальная работа Бурдьё «Практический смысл» основана на этнографическом исследовании берберов Кабилии. В своей новой книге, опубликованной в 2001 году, он во многом опирается на исследование, сделанное несколько десятилетий назад, используя те же концепты мужских и женских пространств и телесный компонент как символическую репрезентацию гендерной иерархии. Хотя книга очевидно ориентирована на интерес американского читателя, примеры, которые находит автор, во многих случаях не соответствуют американской и европейской реальности конца девяностых, когда книга была написана. Сексуально иерархизированный мир, пишет Бурдьё, вписан в среду оппозиций, публичную мужскую вселенную и частный женский мир (Bourdieu, 2001: 57). В то время как эти оппозиции довольно четко описывают кабийский мир публичных городских площадей для мужчин и частных домохозяйств для женщин, они не всегда адекватны для современного контекста.

Приложенная к практике теория структуры господства оказывается неспособной объяснить изменения, которые могут произойти и происходят в постсовременном обществе, где отношения господства-подчинения постоянно переопределяются. Бурдьё приводит феминистское движение как пример коллективного действия, изменившего многие представления, которые до его появления воспринимались как должное. Однако, по его мнению, неизменность хабитуса приводит к тому, что достижения, сделанные женщинами, сопровождаются похожими изменениями для мужчин, что приводит к поддержанию структурного разрыва между гендерами. Это явление Бурдьё называет «постоянство в изменении и через изменение» (*permanence in and through change*) (Bourdieu, 2001: 91).

Книга не дает ответа на вопрос, где угнетенные группы (женщины, небелые, рабочий класс) могут найти средства для сопротивления и разрушения доксы, которая поддерживает режим мужского господства. Хотя Бурдьё и обращает внимание на феминистский прогресс, он оказался неспособным обновить свои примеры. Что, в общем-то, понятно, потому что включение примеров, демонстрирующих произошедшие изменения, помешало бы ясности его аргумента.

Небольшая по объему книга, не являясь новым словом ни в феминистской теории, ни с точки зрения развития теоретических концептов Бурдьё, уже

изложенных в его предыдущих текстах, представляет несомненный интерес для читателей, особенно для тех, кто только начинает знакомиться с трудами классика. «Мужское господство» – это шанс наконец-то на конкретном примере разобраться в не всегда понятных теоретических конструкциях, которые могут быть полезны не только для анализа воспроизводства гендерной иерархии, но также и для изучения классового и расового неравенства. Единственное, что может затруднить понимание – это отсутствие на данный момент перевода книги на русский язык.

¹ P. Bourdieu, *The logic of practice* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990).

Яна Боцман, Виктория Ларченко. Пространство языка как поле битвы: снова о главном

The Feminist Critique of Language: a Reader, in D. Cameron, ed., (London&New York: Routledge, 1998), 368 p.

Название хрестоматии «Феминистская критика языка» интригует уже одним словом «критика», поскольку вопрос об изменениях в языковом пространстве, который неоднократно поднимался феминистской критикой предшествующих лет, увы, не только не потерял актуальности, но и, в свете тех изменений, что уже были осуществлены, стал, возможно, еще более актуальным – в том смысле, что «любовыми» методами (например, посредством наращивания частоты употребления женских местоимений в деловых письмах и т.п.) он, со всей очевидностью, не решается. А, стало быть, единственный путь конструктивной работы с проблематикой «гендер и язык» лежит через бережное исследовательское отношение к языковой наполняющей гендерной реальности, через внимательное знакомство с ее деталями, нюансами ее эволюции и тонкостями ее функционирования. На наш взгляд, обсуждение нюансов – если и не всегда занимательное чтение, то почти всегда поучительное, особенно же когда оно облекается в форму критики. Тем более, что из самого названия очевидно, что критика осуществляется с позиций феминистской лингвистики, которая со времени своего возникновения, то есть с 60-70-х гг. XX столетия, претендует на то, чтобы считаться одним из самых бурно развивающихся и оппозиционно настроенных к фундаментальным направлениям языкознания.

Объем хрестоматии впечатляющ; при этом сразу обращает на себя внимание нетривиальное оформление обложки, претендующее на передачу некоего

«мессэджа». На ней фотография середины пятидесятих, где на фоне домашнего интерьера (мягкие кресла, книжные полки, торшер, ковер, телевизор), создающего уютную обстановку и как нельзя лучше актуализирующего метафору дома, мы видим сильных, уверенных в себе и в то же время исполненных спокойствия женщин, представляющих Америку не более, чем своим домом, где предстоит устроить генеральную уборку. И неудивительно, что язык, который, согласно Хайдеггеру, ни много, ни мало, а «дом бытия», вызывает с их стороны столь же пристрастное внимание. Дебора Камерон, редактор и составитель хрестоматии (а также автор известных книг «Вербальная гигиена» (*Verbal Hygiene*, 1995) и «Исследуя язык» (*Researching Language*, 1992)), в своем разделе также активно развивает тему языка в духе «орешек знаний тверд, но отступать феминисткам некуда». Тем более, что фундамент здания феминистского языкознания был заложен давным-давно: хрестоматия содержит имена женщин, чьи работы для дисциплины стали классическими – это и сама Дебора Камерон, и Робин Лакофф, и Дейл Спендер, и Дебора Таннен, и Салли МакКоннелл-Джинет и многие другие.

В предисловии Дебора Камерон отмечает, что первоначально «Феминистская критика языка» была частью проекта «Слово и мир», созданного специально в помощь студентам, изучающим литературу, однако во время работы над учебным пособием стало ясно, что литературные тексты невозможно изучать так, как если бы теоретических и культурных дискуссий о гендере не существовало вовсе, как если бы феминистские размышления о языке не были приложимы к литературе классической в той же степени, что и к литературе современной.

Первая часть хрестоматии «Речь и молчание: поиски женских голосов в культуре» (*Speech and silence: The quest for women's voices in culture*) открывается работой Фелли Нквэто Симмондс. В статье «Именование и идентичность» (*Naming and Identity*, 1995) автор рассматривает особенности формирования женской идентичности, принимая в качестве своего рода прецедентной базы историю своего имени *Felicitas Nora Nkweto Simmonds*, анализируя практики наклеивания ярлыков в обществе постколониализма и насилие в «номенклатурной», «назывательной» сфере. Первый знаковый этап именованья женщины по Симмондс – имя, данное родителями, второй – собственный выбор (связанный с обрядом крещения), третий она соотносит с замужеством. Женщина, согласно Симмондс, не в состоянии отказаться от навязываемых ей имен, как не в состоянии она отказаться от своей личной истории и истории своего народа. И это «мягкое» насилие в той же степени является насилием, что и насилие «явное», «жесткое». Дополняя Симмондс, Дебора Камерон отмечает, что в традиции женского именованья, как правило, «умалчивается» женская история и женская родословная (т.к. согласно патриархатным традициям большинства мировых культур, имя семьи передается по мужской линии, и женщина, выходя за-

муж, берет фамилию мужа). Таким образом, традиция именованья – одно из средств стирания, нивелирования женской идентичности в культуре.

Трин Т. Мин-ха в работе «Различие: особый вопрос женщин Третьего мира» (*Difference: A Special Third World Women's Issue*, 1993) словно продолжает заданную Симмондс тему, утверждая, что различие не является «особым вопросом» одних лишь женщин Третьего мира, но является общим вопросом для всех феминисток, вне зависимости от их происхождения. Ссылаясь на Элис Уокер, Мин-ха говорит о современных «утонченных» проявлениях расизма среди белых женщин-ученых в отношении чернокожих женщин. Белые женщины называют себя «женщинами» (хотя прежде были «*ladies*»), подразумевая под этим, что чернокожая женщина должна быть, волей-неволей, чем-то другим. Ранее, пока белые женщины были «*ladies*», отмечает Мин-ха, чернокожие женщины могли быть «*women*», а теперь – увы, от них требуют ни много, ни мало, создания нового именованья для себя и «своих» тем. Речь идет и об «умонастроениях сепаратистского большинства», в связи с чем приводится достаточно показательный пример «из жизни»: на выставке в Бруклинском музее художниц спросили, представлены ли на ней работы чернокожих авторов. На что одна белая женщина-феминистка ответила весьма лаконично и в то же время показательно: «It's a women's exhibit!» («Это женская выставка!»), предполагая, что цветные женщины должны искать для своих «женских» способов самовыражения иные горизонты, желательнее подальше от стандартных.

Подлинным украшением всего раздела является работа Вирджинии Вульф «Женщины и художественная литература» (*Women and Fiction*, 1929), поднимающая классические для феминистского литературоведения общетеоретические вопросы женского письма. Почему до XVIII столетия не существовало «беспрерывного» женского письма? Почему женщины писали как мужчины? Почему нам мало известно о женщинах прошлого, в частности, о женщинах-творцах? Почему история Англии (и вообще история) – это история мужчин, о которых мы всегда знаем какие-то «твердые» факты, в то время как от женщин потомкам остаются лишь фрагменты да образы – одна была красавицей, другая – рыжеволосой, третью поцеловала королева.

В «Языке и гендере» (*Gender and Language*, 1986) Кора Капкан, используя инструментарий психоаналитической теории, также обращается к теме, о которой рассуждала и Вульф. – к теме о причинах «молчания» женщин в поэзии. В центре внимания – посылка о том, что освобожденные от патриархальных ограничений женщины предположительно будут писать не так, как мужчины и это «не так» коснется не только сферы «мнений», «сюжетности» и т.п., но и сферы лингвосемантической.

Во второй части «Образы: сексистский язык и сексистский дискурс» (*Representations: Sexist language and sexist discourse*) мы находим сравнительно свежую работу Дейл Спендер «Язык, созданный мужчиной» (*Man Made*

Language, 1990). Автор предполагает, что язык является сексистским потому, что именно мужчины искони обладают властью устанавливать значения, закодированные в языке, а стало быть, эти значения отражают в большей степени мужское восприятие действительности, нежели женское. (Впрочем, об этом и до Спендер писалось много и красиво – в частности, экспрессивной Андреа Дворкин). Тут же мы находим и эссе Марии Блэк и Розалинд Ковард, посвященное критике концепции Спендер – «Лингвистические, социальные и сексуальные отношения: переосмысление «Языка, созданного мужчинами»» (*Linguistic, Social and Sexual Relations: A Review of Dale Spender's «Man Made Language»*, 1981). Виртуозно оперируя аппаратом лингвистической теории, авторы критикуют само понятие «*language*» и выдвигают предположение о том, что сама лингвистика (даже в ее наиболее социально-ориентированных вариантах) сильно ограничена в своем понимании идеологической природы языка. На критике Спендер авторы, впрочем, не останавливаются и переходят к рассмотрению дебатов о языке и идеологии, имевших место в 80-е гг. между марксистской и постструктуралистской теориями. Между тем, в статье Блэк и Ковард содержатся и весьма оригинальные предложения относительно путей устранения гендерной асимметрии в языке (разумеется, нуждающиеся в проверке практикой), которые специалисты несомненно оценят.

Продолжая тему споров по несексистскому языку в работе «Письмо человека о чистоте языка» (*A Person Paper on Purity in Language*, 1988), Дуглас Хофстадтер вскрывает ложность многих расхожих доводов против реформирования сексистского языка и даже приводит свою «воображаемую» расистскую версию английского языка – что и дидактично, и весьма остроумно. Маргарет Дойл во «Введении в основы несексистского языка», (*Introduction to the A-Z of Non-Sexist Language*, 1992) говорит о том, как именно «*sexist language*» исключает/дискриминирует женщин, что предполагает мужественность стандартом/нормой, а женственность – нестандартном/исключением. По мнению Дойл, язык, будучи сексистским и исключаящим, является основным средством распространения сексистских стереотипов, например, относящихся к женским и мужским ролям в обществе.

Дебора Камерон в эссе «Заблудившиеся в переводе: несексистский язык» (*Lost in Translation: Non-sexist Language*, 1995/6) словно суммирует «предыдущих докладчиков», отмечая, что несексистский язык – одна из наиболее популярных феминистских идей (давно перешедших в разряд мечтаний) и что статус, который она приобрела среди феминисток и в либерально-ориентированных институтах, можно маркировать как сакральный. Интересно в этом смысле утверждение Камерон о том, что несексистский язык – та самая символическая уступка, которую можно легко сделать феминизму, поскольку в сущности она не подразумевает крушения доминирующего статуса мужчин и мужского языка. Назначение несексистского языка, по ее мнению, – вовсе не в том, чтобы

изменить форму слов ради самого изменения, но в том, чтобы изменить «репертуар» значений, который передает язык. Автоматический перевод сексистского языка в несексистский всегда будет поверхностным и непродуктивным.

Работа Салли МакКоннелл-Джинет представляет собой связующее звено между вторым и третьим разделами хрестоматии. В «Сексуальной (ре)продукции значения: подход, основанный на дискурсе» (*The Sexual (Re)production of Meaning: A Discourse-Based Approach*, 1989) МакКоннелл-Джинет говорит о том, что значения создаются и воспроизводятся в пределах политических структур, которые наделяет дискурсом текущая ситуация. Вывод, который делает МакКоннелл-Джинет, вполне оптимистичен – да, сексистская политика помогла мужчинам «захватить власть имени», однако эта власть может и должна быть присвоена феминист(к)ами, строящими новое языковое сообщество, в процессе политической борьбы.

Последняя часть хрестоматии открывается эссе Отто Ясперсена, представителя сферы классического языкознания. Его знаменитая работа «Женщина» (*The Woman*, 1922), хотя и не относится непосредственно к феминистской критике языка, а представляет скорее то, чему феминистская критика языка противодействовала, тем не менее, является эпохальной. И хотя Ясперсен, разумеется, не был единственным, писавшим в то время о языке и женском, многие из его концепций отличаются новаторским подходом к теме и выделяются из общего ряда. Неудивительно, что Ясперсен был «заново открыт» в 70-е, когда английские феминистки обратились к вопросам языка и гендера. Материал также интересен как своего рода «слепок эпохи» – со всеми свойственными ей сексистскими предрассудками и неприличиями. Следом за Ясперсеном Кира Холл в эссе с волнующим воображение названием «Губы на линиях фантазий» (*Lip Service on the Fantasy Lines*, 1995), рассуждает об иерархии слоев идентичностей, формирующих языковое высказывание – его стиль и содержание. Согласно результатам исследований Холл, наиболее важную роль здесь выполняет пол, далее следует возраст и лишь потом социальный класс, происхождение и раса.

В целом следует отметить, что данная хрестоматия представляет несомненный интерес для филологов, лингвистов, социологов и психологов, оперирующих проблемами языка и гендера; ознакомление же с ним специалистов из смежных областей гуманитарного знания также способно обогатить их представления о вкладе, сделанном феминистками в сферы языкознания, литературоведения и философии языка.

